

Изданіе Товарищества Потребительскихъ У-въ Юга Россіи.

ГОБСОНЪ.

ИМПЕРІАЛИЗМЪ.

Переводъ съ англійскаго

и предисловіе Валентина Рожицына.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ХАРЬКОВЪ,

Типографія В. Д. Цукермана, Рыбная, 25. Тел. 18-00.

1918.

Учредителю
цѣны повышены
на 150%

ГОБСОНЪ.

ИМПЕРІАЛИЗМЪ.

Переводъ съ англійскаго
и предисловіе Валентина Рожицына.

ХАРЬКОВЪ,
Типографія В. Д. Цукермана, Рыбная, 25. Тел. 18-00.
1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдованіе Гобсона объ имперіализмъ ставитъ своей задачей не защиту, а беспощадное разоблаченіе имперіалистической политики. Эта работа, вышедшая изъ-подъ пера одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и глубокомысленныхъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, написана совершенно научно. Болѣе того. Она является первой по времени попыткой выяснитъ всѣ стороны и всѣ особенности современнаго имперіалистическаго капитализма.

Сводя въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое изслѣдованіе къ рядамъ поучительныхъ цифръ, добытыхъ тяжелыми усиліями сводки разбросаннаго, разрозненнаго а часто нарочно скрываемаго статистическаго матеріала, Гобсонъ, тѣмъ не менѣе, возвышается иногда до страстнаго политическаго паэоса, превращая ученое изслѣдованіе въ блестящій памфлетъ ненависти и отвращенія къ англійскому имперіализму.

Чтобы понять страстность изложенія, пробивающуюся живою струей сквозь сухой покровъ точнаго экономическаго мышленія, надо учесть, въ какой общественной атмосферѣ возникло это изслѣдованіе.

Англійскій имперіализмъ развивался по концентрическимъ кругамъ массоваго увлеченія имъ и такого же массоваго разочарованія. Въ Германіи эти увлеченія и эти разочарованія неизмѣнно отражались въ точныхъ показателяхъ, въ цифрахъ голосовъ, подаваемыхъ за социаль-демократію. Въ 1907 году подъемъ имперіалистической политики обусловилъ пораженіе социаль-демократовъ на выборахъ въ рейхстагъ, а въ 1912 году привлекъ рядового мелко-буржуазнаго избирателя на сторону социаль-демократовъ и ихъ борьбы противъ колониальной и милитаристической политики.

Въ Англійи приливы и отливы имперіалистическихъ настроеній отражались въ научной и олитической литературѣ сильнѣе, чѣмъ непосредственно въ государственной жизни. Въ самомъ

началъ 20-го вѣка, послѣ знаменитой своимъ позоромъ Бурской имперіалистической войны, въ широкихъ кругахъ буржуазной демократіи началось движеніе противъ великодержавной политики. Оно привело черезъ нѣсколько лѣтъ къ такъ называемому „англійскому кризису“, нашедшему своего блестящаго истолкователя въ лицѣ французскаго писателя Филиппа Милле. „Англійскій кризисъ“ проявился прежде всего въ ростѣ демократическихъ настроеній и конституціонныхъ революцій, протекавшихъ на почвѣ парламентской борьбы и, неуклонно ведшихъ Англию по пути политическихъ и соціальныхъ реформъ, пока приближеніе міровой войны и ея взрывъ не отбросили снова Англию на десятилѣтія назадъ въ омутъ имперіалистической горячки.

Возвращая назадъ Англию, являясь политически и соціально реакціоннымъ факторомъ, новый англійскій имперіализмъ возвращаетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ той работѣ Гобсона, которая была написана подъ непосредственнымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ національныхъ несчастій, разоренія и народныхъ бѣдствій, къ какимъ привелъ Англию имперіализмъ въ началѣ 20-го вѣка. Въ атмосферѣ этого разочарованія и подъ вліяніемъ демократическихъ настроеній, обусловленныхъ протестомъ противъ великодержавной политики, была написана книга Гобсона. Отсюда та живость изложенія, иногда язвительное остроуміе и вездѣ горькое чувство сожалѣнія о матеріальныхъ и идейныхъ богатствахъ, бессмысленно уничтоженныхъ Имперіей, которыя сквозятъ въ каждой страницѣ книги Гобсона.

Цѣнность этой работы не исчезла съ теченіемъ времени, но непрерывно вырастаетъ, потому что вводитъ насъ въ кругъ явленій, переживаемыхъ міромъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ европейской войны, вскрываетъ ихъ причины и первоначальные истоки. Современный русскій изслѣдователь имперіализма Н. Ленинъ (Вл. Ильинъ) замѣчаетъ о книгѣ Гобсона: „Этотъ главный англійскій трудъ объ имперіализмѣ я использовалъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго этотъ трудъ, по моему убѣжденію, заслуживаетъ“. Дѣйствительно, Н. Ленинъ, создавая свою гипотезу объ имперіализмѣ, какъ о системѣ хозяйственныхъ и политическихъ отношеній, совершенно совпадающихъ съ современнымъ капитализмомъ и подлежащихъ уничтоженію вмѣстѣ съ нимъ во всемірной и немедленной пролетарской соціалистической революціи,

широко обосновалъ свои взгляды на тѣхъ данныхъ, которыя собралъ и обработалъ Гобсонъ.

И не одинъ Н. Ленинъ. Идеинный руководитель отколовшейся отъ старой социаль-демократіи германской независимой социалистической партіи, общепризнанный теоретикъ марксизма, Карлъ Каутскій не менѣе широко использовалъ трудъ Гобсона въ своихъ статьяхъ, изданныхъ послѣ начала войны. Это свидѣтельствуеъ о томъ, что современные социалисты, расколовшіеся подъ влияніемъ войны на непримиримо враждебные лагеря, одинаково высоко цѣнятъ Гобсона и черпаютъ изъ него обильный матеріалъ для выводовъ и политическихъ построений.

Между тѣмъ, Гобсонъ не социалистъ, не понимаетъ социализма и не имѣетъ съ нимъ по духу ничего общаго. Онъ стоитъ на почвѣ общаго міровозрѣнія своихъ идейныхъ имперіалистическихъ противниковъ, съ которыми полемизируетъ на протяженіи всего своего изслѣдованія. Въ области экономическаго мышленія онъ является прямымъ наслѣдникомъ и эпигономъ сторонниковъ свободной торговли и промышленности, принадлежитъ къ школѣ „фритредеровъ“. Въ пониманіи природы общественныхъ отношеній онъ гораздо ближе къ дарвинистамъ и неомальтузіанцамъ, чѣмъ къ историческимъ матеріалистамъ. Эту его черту надо особенно принимать во вниманіе, когда читатель замѣчаетъ, какое большое значеніе онъ придаетъ идеѣ борьбы за существованіе между индивидуальностями и національностями и какъ заботитъ его проблема народонаселенія. Вопросъ, поставленный Мальтусомъ, объ обратной пропорціи между ростомъ населенія и средствъ существованія, не менѣе тревожитъ Гобсона, чѣмъ его имперіалистическихъ противниковъ. Вмѣстѣ съ ними онъ приходитъ къ выводу о необходимости разумнаго ограниченія дѣторожденія, вмѣстѣ съ дарвинистами онъ придаетъ огромное значеніе вопросу объ улучшеніи челоуѣческой породы путемъ устраненія слабыхъ особей и выдѣленія на первый планъ лучше приспособленныхъ.

Для русскаго читателя, живущаго въ странѣ, гдѣ ни ограниченіе народонаселенія ни улучшеніе его качества еще не стало вопросомъ социальной политики, гдѣ населеніе растетъ больше чѣмъ гдѣ либо въ мірѣ, но и вымираетъ вслѣдствіе нездоровыхъ условій жизни, въ странѣ, которая до недавняго времени погибала

отъ трехъ главныхъ бѣдствій—самодержавія, сифилиса и алкоголя, мысли Гобсона покажутся не вполне ясными.

Если, несмотря на это, книга Гобсона становится все болѣе и болѣе важной въ глазахъ современныхъ социалистовъ, то это объясняется двумя причинами. Во первыхъ, это показываетъ, что изученіе имперіализма приводитъ къ одинаковымъ и одинаково отрицательнымъ по отношенію къ нему выводамъ и буржуазныхъ ученыхъ и социалистовъ, поскольку и тѣ и другіе освобождаются отъ субъективныхъ и эмоціональных настроеній патріотизма и переходятъ на почву объективнаго анализа дѣйствительности. Во вторыхъ, идея интернаціонализма не является достояніемъ узкихъ сектъ въ рядахъ социалистическихъ партій, но покоится на болѣе широкихъ основаніяхъ, совпадаетъ съ интересами прогресса чело-вѣческой культуры, ибо на ней сходятся и буржуазный экономистъ Гобсонъ и большевикъ Н. Ленинъ.

Однако, имѣя въ виду однородность идейнаго обоснованія интернаціонализма у Гобсона и у социалистовъ, надо считаться съ коренной разницей тактическихъ выводовъ. Между крайнимъ пацифизмомъ интернаціонализма Гобсона и такимъ же крайнимъ революціонизмомъ той же идеи у Н. Ленина есть глубочайшее различіе. Какъ бы случайно и нехотя Гобсонъ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ наталкивается на мысль о необходимости возстанія рабочаго класса противъ капитализма и о демократіи, какъ условіи революціоннаго преодолѣнія имперіализма, между тѣмъ какъ у Н. Ленина внутреннее революціонизирующее воздѣйствіе имперіализма на экономическое развитіе и на социальныя отношенія лежитъ въ самой основѣ всѣхъ его построеній. Гобсонъ преимущественно рассчитываетъ на мирныя силы прогресса и ростъ разума въ чело-вѣческихъ отношеніяхъ. Онъ стоитъ въ невольномъ затрудненіи передъ поднятыми имъ вопросами, не умѣя практически ихъ разрѣшить. Въ этомъ смыслѣ его интернаціоналистское убѣжденіе о необходимости безусловной отмѣны имперіализма и о свободной демократической федераціи національностей можетъ быть, несомнѣнно, названо мелко-буржуазной утопией, такъ какъ виситъ въ воздухѣ и не поддерживается никакимъ яснымъ представленіемъ о способахъ достиженія этой цѣли, вообще кажущейся ему конечной цѣлью общечело-вѣческаго культурнаго развитія.

Защита интернаціоналізма буржуазнымъ экономистомъ во всеоружіи экономической науки является, конечно, суровымъ нравственнымъ осужденіемъ для социалистовъ, растерявшихъ въ теченіе этой войны свои идейныя богатства и вполнѣ заслуживающихъ упрека Гобсона въ забвеніи ими завѣтовъ основателей социализма, всегда стоящихъ на интернаціональной точкѣ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, оставляя въ сторонѣ негодные идейно оборончески-патріотическіе отбросы социализма, нельзя не считаться съ тѣмъ доводомъ, который неизбѣжно будетъ выдвинуть противъ Гобсона революціонными оборонцами-социалистами. Они скажутъ: „Доводы Гобсона вполнѣ справедливы, но сохраняли свое значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока не вспыхнула міровая война. Ея теченіе парализуетъ борьбу за интернаціональ и выдвигаетъ на первый планъ оборону страны, тѣмъ болѣе, что самъ Гобсонъ, изучая борьбу великихъ державъ за колоніи и рынки, еще не могъ предвидѣть непосредственной борьбы державъ другъ съ другомъ на почвѣ Европы и за взаимное уничтоженіе, одинаково страшное для пролетаріата, какъ и для его классовыхъ враговъ внутри націи“.

Этотъ доводъ опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что Гобсонъ изучаетъ типъ англійскаго имперіализма и въ его оцѣнкѣ сходится съ русскимъ изслѣдователемъ нѣмецкаго имперіализма Ишханяна, который въ своемъ очень поверхностномъ, просто описательномъ по методу, но не аналитическомъ сочиненіи считаетъ враждебнымъ культурѣ только національный нѣмецкій имперіализмъ. Гобсонъ прекрасно освѣтилъ историческое развитіе Англій, какъ путь назадъ, отъ демократіи къ имперіалистическому деспотизму, отмѣняющему всѣ политическія свободы и приводящему государственную власть къ подчиненію групповой диктатурѣ финансистовъ и спекулянтовъ. Въ книгѣ Гобсона заключается блестящее опроверженіе политическаго мифа объ Англій, какъ о свободной демократіи, имѣющей цѣнность демократическаго противовѣса германскому насилію надъ культурнымъ міромъ. Съ точки зрѣнія Гобсона, на основаніи предлагаемаго имъ матеріала фактовъ, данныхъ и наблюденій, социалистическая оборона противъ англійскаго имперіализма становится такой же обязанностью социалиста, какъ защита рабочаго класса противъ имперіалистической Германіи. А такъ какъ Гобсонъ совершенно

свободенъ отъ націоналистической узости взгляда и видитъ въ имперіализмѣ явленіе, свойственное всѣмъ большимъ державамъ современности, то этимъ самымъ социалисту вмѣняется въ обязанности защита социализма и культурнаго развитія человѣчества противъ всѣхъ національныхъ формъ проявленія международнаго господства имперіализма, и это снова возвращаетъ насъ на почву единственно научнаго международнаго социализма.

Какъ было отмѣчено выше, работа Гобсона, является всестороннимъ изслѣдованіемъ имперіализма во всѣхъ его хозяйственныхъ, финансовыхъ, социальныхъ, политическихъ, научныхъ и психологическихъ проявленіяхъ. Однако, въ настоящее время переводъ этой большой книги чрезвычайно затрудняется техническими условіями книгопечатанія и, быть можетъ, не вполне цѣлесообразенъ. Главы изслѣдованія, посвященныя колониальному и финансовому хозяйству имперіализма нуждаются въ значительномъ обновленіи на основаніи данныхъ того большого пути, какой совершило развитіе капиталистическаго хозяйства накануне войны и въ теченіе ея. Во многочисленныхъ частныхъ и монографическихъ сочиненіяхъ этотъ трудъ уже выполненъ и соответствующія главы Гобсона производятъ впечатлѣніе значительной устарѣлости.

Тоже самое приходится сказать о второй половинѣ его книги, объединенной въ одну большую общую главу подъ названіемъ „Имперіализмъ и низшія расы“.

Отъ борьбы съ цвѣтнокожими расами, отъ свободной колониальной дѣятельности заключавшейся въ почти безпрепятственномъ расхищеніи земель и богатствъ тропическихъ территорій, отъ борьбы за эти территоріи въ колониальныхъ войнахъ между большими державами, начиная съ такъ называемой „столѣтней“ войны между Франціей и Англіей, войны, закончившейся крушеніемъ французской имперіи послѣ пораженія Наполеона, и до спора за ненужныя и бесполезныя колониальныя земли Англіи и Франціи съ Германіей, спора, преслѣдовавшаго скорѣй политическія, чѣмъ экономическія цѣли,—державы перешли къ борьбѣ на хозяйственное уничтоженіе двухъ великихъ капиталистическихъ концентровъ—англійскаго и германскаго,—включающихъ въ свои двѣ системы почти всѣ экономическія міровыя силы. Такимъ образомъ, борьба высшихъ, бѣлыхъ расъ съ низшими, цвѣтно-

кожими, относится къ стадіи развитія, уже изжитсй имперіализмомъ.

Огромную цѣнность имѣетъ глава о политической сторонѣ англійскаго имперіализма. Въ этой главѣ Гобсонъ доказываетъ, что Англія никогда не стремилась, создавая имперію, къ свободѣ. „Англичане, говоритъ онъ не только не надѣляли другіе народы тѣми благами политической свободы, которыя они считали высшей цѣнностью для самихъ себя, но даже повсюду отымали ихъ у тѣхъ народовъ, которые имѣли счастье пользоваться свободой до великобританскаго вторженія“. По его выводамъ, странно говорить о великобританской свободѣ, прилагая это понятіе къ имперіи, въ составѣ которой 40 милліоновъ пользуются сомнительной свободой, а 340 милліоновъ погружены завоевателями въ бездну безжалостнаго и свирѣпаго поработенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, Гобсонъ разбиваетъ легенду о томъ, будто Великобританія воспитываетъ къ свободѣ свои колоніи, позволяя имъ затѣмъ отпадать отъ метрополіи, какъ спѣлые плоды отпадаютъ отъ роднаго дерева.

Но и въ данномъ случаѣ приходится отмѣтить, что здѣсь Гобсонъ имѣетъ дѣло съ пережившимъ себя періодомъ англійской исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ конституціонная революція и ростъ рабочей партіи поставилъ англичанъ лицомъ къ лицу съ дилеммой: культурное разложеніе или демократія, съ тѣхъ поръ, какъ культурное разложеніе и политической упадокъ стали фактомъ, благодаря новымъ явленіямъ во внутренней жизни Англіи, созданнымъ войной, политическое содержаніе имперіализма настолько значительно измѣнилось, что старый историческій матеріалъ уже не даетъ точнаго представленія современной Англіи.

Такимъ образомъ, отчасти по сознательному разсужденію, переводчикъ вынужденъ ограничить выборъ частей изслѣдованія Гобсона, предлагаемыхъ имъ вниманію русскаго и, главнымъ образомъ, социалистическаго читателя, тремя главами—вступленіемъ, главой о научныхъ защитникахъ имперіализма и очеркомъ объ идейныхъ и психологическихъ факторахъ имперіализма.

Эти главы имѣютъ особую цѣнность по слѣдующей причинѣ. Съ самаго начала войны русскій книжный рынокъ загромождался отбросами націоналистической и имперіалистической литературы, имѣющей для Россіи такую же однодневную цѣнность, какъ и для

Франціи и для Англіи, гдѣ это массовое производство дешеваго оружія имперіализма, быстро вырабатываемаго, и быстро поглощаемаго и выбрасываемаго, приняло угрожающіе для культуры размѣры. (Въ Германіи военная литература имѣла особый характеръ, историческій, историческо-философскій и политико-экономическій). Въ общемъ, вся эта литература широко ознакомила русскаго читателя съ міросозерцаніемъ германскаго имперіализма и поэтому теперь, читая Гобсона, легко убѣдиться, что въ этой литературѣ совершенно несправедливо нѣмцамъ приписывалась честь созданія основныхъ доводовъ въ защиту войны и имперіализма. Переводъ Гобсона разоблачаетъ ложную скромность авторовъ антигерманскихъ книгъ и доказываетъ, что нѣмцы не изобрѣли ничего новаго въ идейномъ обоснованіи имперіализма: они были только вѣрными учениками въ теоріи и практикѣ своихъ англійскихъ учителей, уже давно осуществлявшихъ идеи имперіализма въ такой полнотѣ, съ такой умственной циничностью и съ такой политической жестокостью, до которой нѣмцы не успѣли дойти даже за долгіе годы кровавой войны.

Съ этой стороны, книга Гобсона для многихъ явится неожиданностью, глубоко поразитъ наивныхъ людей, повѣрившихъ въ то, что имперіализмъ обусловленъ не междунаціональными общими для всѣхъ державъ, а чисто расовыми особенностями нѣмецкаго племени.

Нанося тяжелые научные удары идеологіи скрытыхъ и явныхъ сторонниковъ имперіализма, переведенныя изъ Гобсона главы явятся, несомнѣнно, твердой научной поддержкой для каждаго социалиста-интернационалиста, убѣжденнаго, что его возрѣнія не только основаны на необходимости классовой борьбы, но и на фактахъ хозяйственной и политической дѣйствительности современнаго капитализма въ его неизбѣжномъ историческомъ пути къ социалистическому интернаціональному строенію общества.

Валентинъ Рожицынъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Благодаря неопредѣленности и расплывчатости политическихъ абстракцій, кажется невозможнымъ дать точное и ясное опредѣленіе какому-нибудь изъ соотвѣтствующихъ терминовъ. Содержаніе понятій постоянно и незамѣтно мѣняется, не только въ соотвѣтствіи съ измѣненіями представленій, но часто вслѣдствіе искусственнаго измѣненія, посредствомъ котораго практическіе политики стараются измѣнить, расширить или сузить понятіе. Поэтому для политическихъ опредѣленій бесполезно требовать такой же ясности, какъ въ области точныхъ наукъ.

Чтобы опредѣлить такое понятіе, какъ имперіализмъ, необходимо установить его общее отношеніе къ ближайшимъ родственнымъ понятіямъ. Націонализмъ, интернаціонализмъ, колониализмъ — вотъ три родственныхъ понятія, одинаково неясныхъ, одинаково видоизмѣняющихся и ускользящихъ отъ требованій, предъявляемыхъ научной точностью изслѣдователей современной политики.

Въ теченіе XIX вѣка борьба за національное самоопредѣленіе, то есть, за утвержденіе политическаго единства на основѣ единства національнаго, была господствующей силой, какъ въ династическихъ отношеніяхъ, такъ и во внутреннихъ отношеніяхъ жизни народныхъ массъ. Во внѣшней политикѣ эта борьба не разъ принимала революціонныя формы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ освобожденіе Греціи, Сербіи, Румыніи и Болгаріи отъ турецкаго владычества, или отдѣленіе Сѣверной Италіи отъ противоестественнаго объединенія съ Австрійской имперіей. Въ другихъ случаяхъ стремленіе къ національному самоопредѣленію было силой соединяющей, а не разъединяющей, силой, расширяющей и централизующей національныя отношенія. Такъ было въ Италіи и во время панславистскаго движенія въ Россіи. Иногда національность принималась за основу федераціи штатовъ (государствъ), въ частности, во время объединенія Германіи и въ Сѣверной Америкѣ.

Правда, силы, содѣйствующія политическому единству, часто шли дальше, объединяя въ федерацію разныя національности.

какъ это имѣло мѣсто въ Австро-Венгріи, Норвегіи, и Швеціи и въ Швейцарской федераціи. Общій характеръ движенія, однако обычно выражается въ томъ, что слабо связанныя государства сливаются въ широкіе и могущественные національные союзы, присоединяя къ себѣ болѣе или менѣе постоянныхъ союзниковъ. Такіе союзы покрываютъ все пространство Европы, начиная съ эпохи паденія Римской имперіи. Полнаго своего завершенія эта политическая система достигла въ XIX вѣкѣ. Національныя силы, содѣйствовавшія успѣху этого дѣла, такъ же отчетливо проявляются въ удачахъ, какъ и въ неумѣннн осуществитъ идеаль политической свободы. Борьба Ирландіи, Польши, Финляндіи, Венгріи и Чехіи противъ ихъ насильственнаго подчиненія сосѣднимъ могущественнымъ государствамъ обнаруживаетъ во всей полнотѣ и ясности силу національнаго чувства.

Средина XIX вѣка въ особенности замѣчательна цѣлымъ рядомъ случаевъ культурнаго возрожденія національностей. Одни изъ этихъ возрожденій повели за собой значительныя династическія измѣненія, другія потерпѣли поражение и не удались. Голландія, Польша, Бельгія, Норвегія и Балканы были аренами этой борьбы національныхъ силъ.

Въ концѣ третьей четверти столѣтія Европа оказалась раздѣленной на обширныя національныя государства или государственныя федераціи, хотя, въ силу самой природы государственныхъ отношеній, здѣсь невозможно было завершеніе поставленныхъ цѣлей, и Италія до сихъ поръ стремится къ Триесту, а Германія къ Австріи, чтобы довести до конца свои національныя задачи.

Эти стремленія и ихъ династическія формы, въ которыя они отливаются, въ значительной степени могутъ быть приписаны тому смѣлому и длительному сопротивленію, какое было оказано народами, одинаково большими и малыми, противъ имперіалистическихъ замысловъ Наполеона. Національный духъ въ Англіи былъ возбужденъ напряженностью этой борьбы сильнѣй, чѣмъ когда бы то ни было со времени „счастливыхъ дней великой Елизаветы“. Битва подъ Іеной сдѣлала Пруссію великой націей. Походъ Наполеона на Москву сдѣлалъ Россію, въ кругу европейскихъ державъ, постоянно дѣйствующей политической силой, открывая въ тоже время широкій доступъ вліянію на нее европейскихъ идей.

Обращаясь отъ этого територіального и династическаго націонализма къ духу расовой, языковой и экономической солидарности, лежащей въ основѣ національныхъ стремленій, мы замѣчаемъ еще болѣе важное движеніе. Мѣстный партикуляризмъ съ одной стороны, неопредѣленный космополитизмъ съ другой стали движущими силами развитія національнаго чувства, проявляющагося среди слабыхъ народовъ не только въ упрямомъ героическомъ сопротивленіи противъ политическаго поглощенія и територіального націонализма, но и въ восторженномъ стремленіи возродить пришедшіе въ забвеніе обычаи, языки, литературы и искусства. Та же самая сила воспитала въ господствующихъ народахъ странныя притязанія національныхъ историческихъ идей и воинственный духъ патріотическаго шовинизма.

Никто не сумѣлъ опредѣлить истинныя грѣницы національности лучше Джона Стюарта Милля.

„Можно сказать, что часть человѣчества образуетъ націю въ томъ случаѣ, если она достигла на основѣ общихъ внутреннихъ симпатій объединенія болѣе сильнаго, чѣмъ между нею и другими людьми. Чувство національности рождается подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Иногда оно явлетя продуктомъ расовой близости. Въ значительной степени ему содѣйствуетъ языкъ и религіозная общность вѣрованій. Къ числу причинъ относятся географическія условія. Но самой могучей изъ всѣхъ дѣйствующихъ причинъ является вліяніе политическихъ условій, наличность національной исторіи, общихъ національныхъ воспоминаній, общая гордость или униженіе, радости и страданія въ связи съ отдѣльными событіями прошлаго“.

Извращеніе этого истиннаго націонализма, благодаря попыткамъ перейти природныя границы націй и захватить сосѣднюю или отдаленную территорію враждебныхъ или не поддающихся національной ассимиляціи народовъ, означаетъ собой переходъ національнаго самоопредѣленія къ грязной колоніальной политикѣ, съ одной стороны, и къ имперіализму, съ другой.

Колоніальная политика, поскольку она заключается въ переселеніи части націи въ свободныя или слабо заселенныя иноземныя области, причемъ эмигранты приносятъ съ собой всю полноту гражданскихъ правъ своей родной страны или создаютъ мѣстное автономное управленіе въ полномъ соотвѣтствіи съ

учрежденіями родины и подъ ея покровительствомъ,—можетъ считаться правильной формой расширенія національности, территоріальнымъ развитіемъ племени, языка и учрежденій данной націи. Нѣкоторыя колоніи, дѣйствительно, сохранили такое положеніе, даже отдѣлившись отъ родной страны, выработались въ особыя національности. Въ другихъ случаяхъ онѣ были включены въ кругъ верховнаго управленія господствующей страны, а къ этому положенію такъ же приложимо понятіе колоніальной, какъ и имперіалистической политики.

Единственный типъ отдаленной колоніи, которая можетъ послужить образцомъ, примѣромъ совершенно яснаго національнаго расширенія, это самоуправляющіяся англійскія колоніи въ Австралазіи и Канадѣ. Даже въ такихъ случаяхъ мѣстныя условія могутъ вызвать къ жизни національную обособленность, основанную на согласованіи колоніальныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчужденію отъ родной націи или даже вражды къ ней. Въ другихъ „самоуправляющихся колоніяхъ“, какъ, напримѣръ, въ Капской Зѣмлѣ и въ Наталѣ, гдѣ большинство бѣлаго населенія не происходитъ отъ англійскихъ эмигрантовъ, гдѣ подавляющее большинство жителей состоитъ изъ подчиненныхъ или низшихъ расъ, гдѣ климатическія и остальныя природныя условія вырабатываютъ культуру, рѣзко отличающуюся отъ культуры „родной страны“, тамъ борьба интересовъ колоніи съ политикой имперіалистовъ уже давно стала совершенно ясной для общественнаго мнѣнія.

Когда лордъ Розмидъ говорилъ о постоянной наличности имперіалистическаго вліянія, какъ о простой нелѣпости, а Сесиль Родсъ доказывалъ его полное устраненіе, они оба являлись защитниками колоніальной самостоятельности, которая съ теченіемъ времени, въ силу внутренняго развитія, превращается въ національную самостоятельность, какъ это имѣло мѣсто въ Канадѣ и Австралазіи, потому что тамъ были налицо интересы и общія условія жизни, обособляющіе эти области отъ метрополіи. Тамъ нѣтъ ни одной достаточно значительной группы населенія, состоящей изъ англійскихъ переселенцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ живущихъ въ соотвѣтствіи съ семейными, общественными и политическими обычаями и законами своей родной страны: въ большинствѣ случаевъ они образуютъ ничтожное, но господствующее

и экономически преобладающее меньшинство, властвующее надъ большинствомъ туземнаго поработеннаго населенія, находясь въ свою очередь въ деспотической зависимости отъ Имперскаго правительства и его мѣстныхъ представителей.

Колоніи, которыя созданы въ Африкѣ и Азій Франціей и Германіей, ни въ коемъ случаѣ не представляютъ собой перенесенія по ту сторону моря національной нѣмецкой или французской жизни. Нигдѣ, даже въ Алжирѣ, эти колоніи не развиваются по типу истинной европейской культуры. Ихъ социально-политическій и экономическій строй совершенно чуждъ условіямъ жизни въ метрополіи.

Колоніальный строй, въ лучшемъ смыслѣ этого понятія, является естественнымъ развѣтвленіемъ національности. Онъ доказываетъ способность колонистовъ перенести свою культуру въ новую общественную и природную обстановку, куда переселяются они сами. Не слѣдуетъ обманываться названіями. „Колоніальная“ партія въ Германіи и Франціи совершенно совпадаетъ по своимъ задачамъ и приемамъ дѣйствія съ „имперіалистической“ партіей въ Англии, и слово „имперіализмъ“ гораздо лучше и полнѣй выражаетъ это понятіе. Проф. Сили хорошо опредѣлилъ сущность имперіализма: „Когда государство расширяется за предѣлы своей національности, оно становится насильственнымъ и искусственнымъ. Это условіе созданія цѣлаго ряда имперій, это же самое— условіе созданія англійской имперіи. Когда нація проникаетъ на территорію другихъ странъ, она не въ состояніи уничтожить или совершенно вытѣснить ихъ населеніе, даже если произошло удачное и полное завоеваніе. Если покореніе удастся, приходится затѣмъ выдерживать постоянную и тяжелую борьбу, потому что покоренныя чуждыя національности ни въ коемъ случаѣ не могутъ раствориться въ побѣдоносномъ народѣ и остаются постояннымъ источникомъ его слабости и опасностей“.

Особенность современной имперіалистской политики заключается въ томъ, что она усвоена многими націями. Наличие большого количества враждующихъ между собой имперій принадлежитъ только новому времени. Основнымъ смысломъ имперіи въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка былъ союзъ государствъ подъ гегемоніей одного изъ нихъ, какъ это имѣло мѣсто въ Римской имперіи, въ эпоху такъ называемаго *раха Romana* (римскаго

мира). Когда римскіе граждане, обладавшіе всей полнотою гражданскихъ правъ, наполнили собой весь извѣстный тогда міръ, когда они встрѣчались въ Азіи и Африкѣ, въ Галліи и Британіи, то имперіализмъ заключалъ въ себѣ черты настоящаго интернаціонализма. Послѣ паденія Римской имперіи, это понятіе единой имперіи, держащей въ своихъ рукахъ политическую власть надъ всѣмъ культурнымъ міромъ, не исчезло. Оно пережило Римъ во всемъ развитіи Священной Римской имперіи. Даже послѣ того, какъ произошелъ окончательный расколъ между Восточной и Западной имперіей, идея единого государства, раздѣленнаго только для цѣлей болѣе легкаго управленія, сохранилась. Этотъ идеаль единства Имперіи продолжалъ жить, несмотря на вражду и антагонизмъ, несмотря на выдѣленіе и обособленіе цѣлаго ряда провинцій. Это единство было завѣтнымъ и открыто высказаннымъ идеаломъ Карла Великаго, хотя практически ограничилось предѣлами Западной Европы. Рудольфъ Габсбургскій не только возродилъ идею, но и старался осуществить ее въ предѣлахъ Центральной Европы, а его потомокъ Карлъ V далъ этому понятію его настоящее содержаніе, подчинивъ своему имперскому правленію территоріи Австріи, Германіи, Испаніи, Нидерландовъ, Сициліи и Неаполя. Въ слѣдующіе вѣка мечта о Европейской имперіи воодушевляла политическія стремленія Петра Великаго, Екатерины и Наполеона.

Политическіе мыслители на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, Вико, Макіавелли, Данте, Кантъ, считали объединяющую имперію единственнымъ способомъ обезпечить миръ, представляя себѣ эту имперію, какъ іерархію государствъ, на подобіе феодальнаго строя отдѣльной страны.

Такая имперія отождествлялась съ интернаціонализмомъ, хотя не всегда опиралась на понятіе равенства націй. Распаденіе Центрально-Европейской имперіи и послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе національностей вызвало новое современное чувство интернаціонализма, которое въ теченіе всего XVIII-го вѣка постоянно вдохновляло образованные круги въ европейскихъ государствахъ“. Эпоха Великой французской революціи застала каждаго образованнаго человѣка въ Европѣ,—Лессинга, Канта, Гете, Руссо, Лафатера, Кондорсе, Пристли, Гиббона, Франклина,—скорѣе гражданиномъ вселенной, чѣмъ отдѣльной страны. Гёте при-

знавался, что онъ не имѣетъ представленія о патриотизмѣ и былъ очень радъ, что обходится безъ него. Культурные люди всѣхъ странъ были дома въ каждомъ образованномъ обществѣ, гдѣ бы оно ни собиралось. Кантъ гораздо больше интересовался событиями въ Парижѣ, чѣмъ жизнью въ Пруссіи. Италия или Германія считались простыми географическими обозначеніями. Эти страны были наполнены маленькими государствами, не имѣвшими самостоятельной политической жизни, но жившими напряженнымъ интересомъ къ общему культурному прогрессу. Великая революція по своему существу была общечеловѣческой и космополитической. „Она, какъ сказалъ о ней Ламартинъ, эпоха въ исторіи человѣческаго ума“. Это объясняется тѣмъ, что никакіе критики, вродѣ Тэна, не въ состояніи закрыть отъ насъ характера людей, руководившихъ великимъ движеніемъ Революціи, не въ состояніи заставить насъ забыть величественности этой титанической борьбы. Солдаты революціи, голодные и босые, изгнали надменныхъ реакціонеровъ изъ французской территоріи, и они сражались вовсе не за какое-нибудь узко-національное дѣло, а за интересы всего человѣчества. При всѣхъ своихъ жестокостяхъ и несовершенствахъ, идея революціи была сознаніемъ правового общества, въ которое должны войти всѣ люди.

Этотъ ранній расцвѣтъ человѣчности и интернаціонализма былъ обреченъ погибнуть подъ натискомъ могущественнаго возрожденія имперіализма, наложившаго свою печать на 19-й вѣкъ. Даже въ кругахъ образованныхъ людей онъ быстро превратился изъ благороднаго и увлекательнаго идеала въ жалкій сентиментализмъ, а послѣ 1848 года совершенно погасъ въ умахъ народовъ континентальной Европы; отъ него остались только тлѣющія искры подъ пепеломъ. Даже социализмъ, который въ Западной Европѣ сохраняетъ въ извѣстной степени духъ интернаціонализма, такъ ограничиваетъ свою дѣятельность національными рамками въ своей борьбѣ съ государственнымъ бюрократизмомъ и капитализмомъ, что назвать его интернаціональнымъ значитъ просто выразить „благочестивое пожеланіе“. Социализмъ потерялъ способность осуществить на практикѣ то искреннее чувство всечеловѣческаго братства, которымъ были глубоко воодушевлены его первые пророки и проповѣдники.

Такимъ образомъ, ростъ націонализма разрушилъ, повиди-

тому, въ зародышѣ надежды интернаціонализма. Но ясно, что между этими двумя понятіями нѣтъ существеннаго противорѣчія. Настоящій послѣдовательный интернаціонализмъ, по своей формѣ и по своему внутреннему духу, предполагаетъ существованіе могущественныхъ и сознающихъ свое достоинство національностей, которыя стремятся къ объединенію на основѣ общихъ нуждъ и интересовъ. Историческое развитіе въ этомъ направленіи гораздо болѣе соотвѣтствуетъ законамъ соціальнаго прогресса, чѣмъ развитіе анархическаго космополитизма, объединяющаго индивидуальныя единицы, но разрушающаго національную жизнь.

Утвержденіе національности это прямой путь къ интернаціонализму, и если между ними обнаруживается расхожденіе, то мы должны подозрѣвать, что здѣсь происходитъ извращеніе природы и задачъ націй. Такимъ извращеніемъ національнаго чувства является имперіализмъ. Благодаря ему, націи переступаютъ границы естественнаго взаимодѣйствія и превращаютъ творческое соперничество разныхъ національныхъ типовъ въ смертельную схватку враждующихъ имперій.

Агрессивный имперіализмъ не ограничивается просто тѣмъ, что онъ разжигаетъ ненависть между враждующими имперіями: его нападеніе на свободу и посягательство на самое существованіе низшихъ или менѣ сильныхъ націй побуждаетъ ихъ къ такому же эксцессу націоналистическаго самосознанія. Национализмъ, пылающій ненавистью и жадной мщенія, весь проникнутый идеей самозащиты, только въ немного болѣе слабой степени является извращеніемъ своей собственной природы, чѣмъ тотъ націонализмъ, который пылаетъ духомъ и жадной собственнаго расширенія за счетъ другихъ націй. Съ этой точки зрѣнія, имперіализмъ является искусственнымъ возбужденіемъ чувства націонализма въ народахъ, слишкомъ чуждыхъ другъ-другу, чтобы слиться, и слишкомъ сильныхъ, чтобы подвергнуться постепенному уничтоженію. Англичане развили среди африканскихъ колоній именно такого рода опасный націонализмъ угнетеннаго меньшинства, а вмѣстѣ съ другими державами содѣйствовали возникновенію въ Китаѣ до сихъ поръ неизвѣстнаго мстительнаго націонализма. Въ обоихъ этихъ случаяхъ оскорбленіе національнаго сознанія привело къ превращенію мирной спокойной внутренней силы въ силу враждебную и непримиримую. Истинное могущество и цѣн-

ность національности подверглись глубокому извращенію. Самымъ худшимъ и неотвратимымъ результатомъ этого является замедленіе развитія интернаціонализма.

Старый націонализмъ былъ первоначально чувствомъ, замкнутымъ въ себѣ. Его привычнымъ отношеніемъ къ такому же чувству у другихъ народовъ было отсутствіе симпатіи, но не открытая вражда. Не было упорной враждебности или стремленія не позволить сосѣдней національности спокойно развиваться рядомъ. Такія основныя черты имѣлъ націонализмъ въ началѣ 19-го вѣка, и политическіе дѣятели, стоявшіе на точкѣ зрѣнія свободы торговли, имѣли нѣкоторыя основанія для своей мечты объ активномъ развитіи плодотворнаго интернаціонализма путемъ мирнаго и полезнаго для всѣхъ взаимнаго обмѣна благами и идеями между націями, признающими истинную гармонію интересовъ свободныхъ народовъ.

Переходъ націонализма въ русло имперіализма разрушилъ всѣ эти надежды. Национальности способны при своемъ совмѣстномъ существованіи ко взаимной помощи, не предполагающей вражды интересовъ, но расположенныя рядомъ имперіи, преслѣдуя каждая свою собственную имперіалистическую цѣль территориальнаго и промышленнаго расширенія, становятся въ силу естественной необходимости врагами. Истинная природа этой вражды остается, по своему экономическому содержанію, непонятной безъ тщательнаго изслѣдованія современнаго капиталистическаго способа производства, вызывающаго все болѣе ожесточенную борьбу за рынки, но политическая вражда очевидна съ перваго же взгляда.

Борьба за Африку и Азію опредѣляла по существу политику всѣхъ европейскихъ націй, вызывала къ жизни союзы, находящіяся въ противорѣчьи со всѣми естественными чувствами симпатіи и исторической связи, побуждала каждый народъ Западной Европы затрачивать все увеличивающееся количество своего богатства и запаса людей на военное, сухопутное и морское снаряженіе, вывела новую великую державу—Соединенные Штаты Сѣверной Америки изъ ея уединенія и бросила въ смятеніе вражды и соперничества. Благодаря размѣрамъ этой борьбы, ея напряженности и неожиданности ея результатовъ, къ которымъ она приводитъ въ области политики, она стала постоянной угрозой

нарушенія мира и прогресса человѣчества. Новая политика оказала чрезвычайно значительное и тяжелое вліяніе на государственное строительство втянутыхъ въ нее націй.

Выдуманная для распространенія въ народѣ ученія о національномъ назначеніи и объ имперіалистической миссиі культуры, противорѣчивыя по существу, но взаимно поддерживающія другъ-друга, какъ основы популярнаго имперіализма, вызвали къ жизни типъ расчетливаго корыстолюбиваго „Макиавеллизма“, подъ названіемъ „реальной политики“, въ Германіи. Эта политика перестроила все дипломатическое искусство, возбуждаетъ жажду національнаго самовозвеличенія, безсовѣстнаго и беспощаднаго, ставшаго сознательной движущей силой внѣшной политики. Земельный голодъ и борьба за рынки являются факторами, отвѣтственными за откровенно признаваемое нарушеніе договорныхъ обязательствъ, отъ защиты которыхъ не постыдились отказываться Германія, Россія и Англія. Утонченный языкъ дипломатическихъ терминовъ,—„гинтерландъ“, „сфера интересовъ“, „сфера вліянія“, „главенство“, „сюзеренитетъ“, „протекторатъ“, — скрытыя или откровенныя понятія, руководящія дѣятельностью, направленной къ захватамъ и аннексіямъ, часто прикрывающіяся понятіями „аренды“, „исправленія границъ“, „концессій“, являются изобрѣтеніемъ и выраженіемъ этого циническаго духа имперіализма.

Германія и Россія довольно откровенны въ своемъ объявленіи матеріальныхъ интересовъ собственной страны единственнымъ правиломъ государственной политики, но и остальные державы не замедляютъ стать на ту же самую точку зрѣнія. Поведеніе великихъ національныхъ державъ по отношенію другъ къ другу во всѣ времена опредѣлялось своекорыстными и близорукими соображеніями, но въ настоящее время взаимныя отношенія между націями и ихъ взаимная зависимость во всѣхъ существенныхъ областяхъ человѣческой жизни растутъ и становятся все болѣе тѣсными. Поэтому имперіализмъ является шагомъ назадъ въ развитіи культуры и угрожаетъ человѣчеству страшными опасностями.

I.

Нельзя отрицать, что матеріальные интересы и притязанія отдѣльныхъ лицъ и націй являются основными, сознательными движущими силами имперіализма. Тѣмъ не менѣе есть возможность утверждать, что здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой жизни, какія-то скрытыя, болѣе могучія силы содѣйствуютъ прогрессу человечества. Извѣстно, какую могущественную поддержку дали біологическія понятія піонерамъ въ области соціологической науки. Вполнѣ естественно поѣтому, что законы индивидуальнаго и видоваго прогресса, съ такой очевидностью обнаруживаемые во всѣхъ остальныхъ областяхъ животнаго царства, должны быть вполнѣ приложимы и къ человѣку. Легко предположить, что переплетеніе и пересѣченіе законовъ низшихъ формъ жизни другими, впервые достигшими своего значенія въ высшей психической дѣятельности *genus homo*, были, должно быть, недооцѣнены, плохо поняты или незамѣчены.

Биологъ, вступающій въ область человѣческой исторіи, часто встрѣчаетъ научныхъ противниковъ, которые отвергаютъ его право вмѣшиваться въ ихъ науку и стараются поставить непреходимую границу между человѣческимъ и животнымъ развитіемъ. Дѣйствительно, даже въ рядахъ самихъ біологовъ столь выдающіеся ученые, какъ Гексли или А. Р. Уоллэсъ, были склонны къ такому обособленію. Они отличали нравственный или духовный прогрессъ человѣческаго рода отъ общаго космическаго процесса. Они надѣляли человѣка качествами и законами его дѣятельности, совершенно отличающимися отъ тѣхъ, которые находятъ свое приложеніе въ другихъ областяхъ животнаго царства. Протестъ противъ грубаго догматизма этой точки зрѣнія увлекъ другихъ къ такому же грубому и такому же догматическому утвержденію, что законы низшихъ формъ борьбы за существованіе и полового подбора, объясняющіе или помогающіе понять прогрессъ среди низшихъ животныхъ, совершенно удовлетворяютъ во всѣхъ случаяхъ соціологическаго изслѣдованія.

Сами соціологи оказались во многихъ случаяхъ очень склонны принять эту точку зрѣнія и были готовы защищать необхо-

димось, полезность, даже справедливость полного подчиненія или просто уничтоженія отдѣльныхъ націй и культурныхъ типовъ въ физической борьбѣ между ними.

Допуская, что творческая дѣятельность отдѣльной расы или націи требуетъ прекращенія внутренней классовой борьбы, во всякомъ случаѣ борьбы à outrance, они настаиваютъ на томъ, что свирѣпая борьба между націями не можетъ прекратиться. Этого требуютъ, по ихъ мнѣнію, два факта. Постоянная борьба съ другими расами или націями необходима для поддержанія и прогресса данной расы или націи. вмѣстѣ съ необходимостью бороться за существованіе сохраняется или гибнетъ могущество націи. Такимъ образомъ истинный интересъ могущественной націи заключается въ томъ, чтобы „достигнуть высшей точки напряженія внѣшней дѣятельности въ борьбѣ и главнымъ образомъ въ войнѣ съ другими, низшими расами и съ равными націями на почвѣ борьбы за торговые пути, за источники сырого матеріала и пищевыхъ продуктовъ“. „Это, добавляетъ проф. Карль Пирсонъ,—естественная историческая точка зрѣнія человечества и я не думаю, чтобы можно было подвергнуть сомнѣнію ея главныя основанія“.

Другіе, становясь на болѣе широкую, космическую точку зрѣнія, настаиваютъ на томъ, что прогрессъ человечества самъ по себѣ требуетъ сохраненія разрушительной, но производящей естественный подборъ борьбы между націями, воплощающими въ себѣ разныя силы и способности, разные типы культуры. Необходимо, чтобы на землѣ жили, развивались и властвовали по возможности только такія націи, которыя лучше всего умѣютъ выполнить эту дѣятельность, то есть, націи въ высшей степени способныя къ „соціальному творчеству“. Эти націи могутъ утверждать свои права, завоевывая, подчиняя или даже уничтожая другія націи, менѣе способныя къ „соціальному творчеству“. Благо всего міра, истинная цѣль человечества, требуетъ, чтобы эта борьба, физическая, промышленная, политическая, продолжалась до тѣхъ поръ, пока создастся идеальное состояніе: на землѣ будутъ властвовать только наиболѣе способныя къ „соціальному творчеству“ націи въ соотвѣстствіи съ главными типами и степенями ихъ „соціального творчества“. Этотъ принципъ отчетливѣй всего былъ установленъ французомъ Эдмономъ Демолэномъ, былъ представленъ имъ, „какъ непререкаемый законъ, подобный закону всемірнаго тяготѣнія“.

„Когда одна нація оказывается сильнѣе другой въ разныхъ

областяхъ внѣшней или внутренней жизни, она неизбѣжно втсрагается въ ея общественную жизнь и устанавливаетъ свое преобладаніе. Безразлично, будетъ-ли это преобладаніе закрѣплено мирными способами или съ оружіемъ въ рукахъ,—оно неизбѣжно, когда настанетъ подходящій моментъ, утвердится официально и затѣмъ будетъ признано безъ всякихъ ограниченій. Я утверждаю, что только этотъ законъ имѣетъ значеніе для всей жизни человѣчества, объясняетъ революціи, совершающіяся въ великихъ державахъ и, болѣе того, объясняетъ и оправдываетъ присвоеніе европейцами территорій въ Азіи, Африкѣ, Океаніи, какъ и все колоніальное развитіе съ начала до конца“.

Западно-европейскія націи съ ихъ колоніями являются націями, способными къ соціальному творчеству въ разной степени. Нѣкоторые американскіе и англійскіе писатели, какъ проф. Гиддинсъ и Вен. Киддъ, полагаютъ, что тевтонская раса, въ частности ея англо-саксонскія вѣтви, стоитъ на высшей ступени соціального творчества. Нѣкоторая часть англофильски настроенныхъ французовъ держится того же убѣжденія.

Это откровенное и открытое убѣжденіе относительно способности къ „соціальному творчеству“ надо считать основной духовной опорой имперіализма. Человѣческій прогрессъ требуетъ постоянной національной борьбы, въ которой болѣе слабыя націи должны погибать, а націи, способныя къ соціальному творчеству, переживаютъ ихъ и достигаютъ расцвѣта. Такъ строятъ свои доказательства имперіалисты.

При такой точной и узкой постановкѣ вопроса становится совершенно яснымъ понятіе способности къ соціальному творчеству. Оно просто равняется праву быть сильнымъ въ борьбѣ за существованіе, и противоположно понятію національной слабости. Сначала это понятіе имѣло своей цѣлью обозначить широкій кругъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, но въ своемъ новомъ „естественно-научномъ значеніи“, оно понимается не иначе, какъ способность истреблять другія націи, которыя вслѣдствіе своей слабости принимаются за низшія. Когда говорятъ о переживаніи „болѣе приспособленнаго“, то происходитъ простое повтореніе той же мысли при вопросѣ: „Къ чему приспособленнаго?“ Отвѣтъ слѣдуетъ такой: „Приспособленнаго къ переживанію“...

Совершенно правильно, что понятіе соціального творчества шире простой боевой способности къ войнѣ и торговлѣ. Если бы мы имѣли въ виду опредѣлить всѣ качества, которыми

надѣлены совершенныя общества, то мы должны были прибавить къ этому много другого. Но съ нашей „естественно научной“ точки зрѣнія, все остальное должно быть исключено и надо оставить только то, что непосредственно и прямо содѣйствуетъ цѣлямъ борьбы за существованіе.

Оцѣнивая по достоинству это понятіе, мы приходимъ къ слѣдующему простому заключенію: „Въ исторіи человѣчества, какъ и во всей природѣ, болѣе сильныя расы всегда побѣждали, порабощали и истребляли другія расы“. Біологъ говоритъ: „Это до такой степени глубоко коренится въ природѣ, что должно всегда сохранять свое значеніе“. Онъ добавляетъ: „Это было главнымъ условіемъ и предпосылкой прогресса въ прошломъ и потому необходимо, чтобы такъ продолжалось и въ дальнѣйшемъ. Такъ должно быть, такъ надо“.

По наклонной плоскости мы быстро переходимъ отъ естественной науки въ область нравственныхъ понятій, и въ понятіи выгоды находимъ нравственное оправданіе національной борьбы. Слѣдовательно, имперіализмъ это ни что иное, какъ естественно-научное опредѣленіе, оправдываемое съ точки зрѣнія интересовъ только одной, именно своей собственной націи. „Мы являемся націей, способной къ соціальному творчеству, мы завоевывали и захватывали области и территоріи ранѣше: мы будемъ продолжать дѣлать то же самое, это наше предназначеніе, единственное, что полезно намъ самимъ и всему міру, это наша обязанность“.

Такимъ образомъ, ученіе, возникшее изъ естествознанія, принимаетъ сложныя очертанія нравственной убѣжденности и почти религіозной вѣры. Мы поднимаемся въ возвышенный міръ „имперіалистическаго христіанства“, „культурной миссіи“, которую выполняемъ, чтобы учить народы „искусству хорошаго управленія“ и „достоинству труда“.

II.

Предположеніе, что способность дѣлать что-нибудь ложится въ основу права и даже обязанности дѣлать это, является однимъ изъ самыхъ частыхъ и „естественныхъ“ невольныхъ заблужденій. Даже проф. Пирсонъ не въ состояніи избѣгнуть этого. Послѣ обстоятельнаго доказательства необходимости національнаго подбора и національной борьбы за существованіе онъ говоритъ, что

„мы, англичане, обязаны разрабатывать неиспользованные земные богатства в Африку и в Азию“.

Эта уверенность в „божественном праве“ силы, уверенность, воспитанная такими учителями, как Карлейль, Кинсли, Рёскин, является первой причиной превращения естественной науки в понятия, вызывающие нравственный энтузиазм.

Отвратительные грязные стремления, являющиеся движущей силой империализма до такой степени преобладают в нем, что справедливость требует отметить и некоторые благородные свойства, присущие империализму. Они заключаются в том, что научные истины наивно превращаются в исповедание возвышенного рыцарства. Такого рода преобразование можно заметить в обаятельной личности и необычайной карьере Губерта Гервея из Акционерной Компании Британской Южной Африки; об этом рассказывает его товарищ по приключениям граф Грей. Его приключения раскрывают перед нами империализм в его лучших проявлениях и, — что более важно для нашей задачи, — являются удивительной и гениальной попыткой выяснить перед нами сущность империалистической философии.

Каждый, конечно, согласен, с тем, что англичанин имеет право считать свою точку зрения на мир и на жизнь более возвышенной, чем взгляды маорийца или готтентота. Отвлеченно говоря, никто не станет возражать, что англичанин обязан прилагать все усилия к тому, чтобы дикарь усвоил его более прекрасное и более возвышенное мирозерцание. Но вы можете довести ту же самую мысль до ее крайних выводов. Поскольку англичанин существенно отличается от шведа или бельгийца, он имеет право быть уверенным, что стоит на гораздо более высоком уровне общего развития. Даже такие национальности, которые очень близки нам по строю мыслей и чувствований, как германцы или скандинавы, даже их мы считаем ниже себя, сравнивая их главные характерные черты с нашими. Если это не так, мы обязаны стремиться к тому, чтобы сравняться с ними. Во всяком случае, нам следует постараться перенять их лучшие качества и присоединить к нашим качествам, рассчитывая, что таким образом наш национальный характер станет выше чужого.

Такой строй чувствования является признаком независимой и гордой нации. Насколько можно в каждом отдельном случае оправдать это настроение, должна решать только сама история. Но важно отметить, что каждый, кто притязает занять первое

мѣсто, долженъ всѣмъ напряженіемъ своей энергіи засвидѣтельствовать свое право на это. Это является нравственнымъ оправданіемъ великодержавной политики и войны. Прежде чѣмъ возникнетъ какой бы то ни было вопросъ объ установленіи всеобщаго мира или объ устраненіи междунаціональныхъ столкновеній путемъ арбитража, должна произойти въ мірѣ и въ человѣческомъ умѣ глубочайшая перемѣна. Въ частности, больше всего затрудненій возникаетъ вслѣдствіе отсутствія общепризнанныхъ принциповъ правосудія въ случаяхъ столкновенія между цивилизованными и нецивилизованными расами. Развѣ мы въ состояніи опредѣлить сколько должно пройти времени, прежде чѣмъ исчезнетъ глубокая пропасть между бѣлымъ и цвѣтнокожимъ человѣкомъ? Развѣ допустимо сомнѣніе въ правѣ и даже обязанности благаго человѣка насильно навязывать свою высокую цивилизацію цвѣтнокожимъ расамъ? Соперничество главныхъ европейскихъ державъ въ вопросѣ о предѣлахъ ихъ вліянія на другіе материки естественно ведетъ къ тому, что возникаетъ самый усовершенствованный способъ управленія низшими расами черезъ посредство тѣхъ властителей, которые обладаютъ самыми лучшими способностями для этого.

Въ этихъ словахъ заключается полное вѣроисповѣданіе имперіализма, фактъ физической борьбы между расами, фактъ подчиненія низшихъ расъ бѣлыми людьми; необходимость, опирающаяся на эти факты, выгода, опирающаяся на эту необходимость, и право или обязанность, опирающаяся на выгоду. Трудно придумать что-нибудь лучшее для выясненія истиннаго духа имперіализма. Англичанинъ увѣренъ, что онъ превосходитъ всѣхъ другихъ людей своими качествами. Онъ увѣренъ въ своей способности усвоить всѣ достоинства, какія только имѣютъ другіе люди. Онъ увѣренъ, что имѣетъ право властвовать, право, котораго нѣтъ у другихъ. Гервей допускаетъ, что французскій, нѣмецкій или русскій патріотъ могутъ по своему тоже испытывать такое же чувство превосходства и связанныя съ нимъ притязанія. Тѣмъ лучше! Такое скрещеніе убѣжденій и противорѣчіе интересовъ обостряютъ борьбу между бѣлыми расами, обеспечиваетъ переживание и дальнѣйшее совершенствованіе наиболѣе приспособленной изъ нихъ.

Пока мы разсматриваемъ вопросъ именно такъ, исключительно съ точки зрѣнія англичанина или какой-нибудь другой отдѣльной національности, его основной смыслъ ускользаетъ отъ насъ. Самое существенное, это постоянная борьба націй, имѣющая цѣлью

поддерживать національную энергію и давать преобладаніе болѣе приспособленному или самому дѣятельному. Такимъ образомъ, каждый соперникъ вынужденъ будетъ развертывать во всей полнотѣ свои силы, руководимый тѣмъ же самымъ чувствомъ: чувствомъ превосходства, историческаго права, предопредѣленія и импералистическихъ обязанностей своей собственной страны, подобно тому, какъ поступаетъ англичанинъ по отношенію къ своей Англіи. Это и есть какъ разъ то, что мы находимъ въ дѣйствительности.

Англичанинъ искренне убѣжденъ въ исключительныхъ способностяхъ англичанъ во всякомъ дѣлѣ, какое только они предпримутъ для цивилизаціи міра. Въ этомъ заключается высшій принципъ государственнаго дѣятеля импералиста, прекрасно выраженный лордомъ Розберри, когда онъ говоритъ, что Британская Имперія „есть величайшее историческое дѣло, направленное къ человѣческому благу, высшее изъ того, что когда бы то ни было видѣлъ міръ“. Къ тому же сводится убѣжденіе Чемберлена: „англо-саксонская раса несомнѣнно имѣетъ своимъ назначеніемъ быть господствующей силой въ исторіи и міровой культурѣ“. Простые люди вообще нисколько не сомнѣваются въ высшей способности англичанъ брать на себя управленіе совершенно независимо отъ климатическихъ, рассовыхъ или какихъ бы то ни было иныхъ условій. „Какъ? Неужели вы воображаете, будто можете заняться управленіемъ Франціи лучше, чѣмъ сами французы?“ Таковъ вопросъ, который можно иронически противопоставить этой мысли. Торжествующій отвѣтъ будетъ данъ въ слѣдующихъ словахъ: „Конечно, да!“ И это вовсе не ораторскій пафосъ, но совершенно искреннее убѣжденіе большинства англичанъ.

Французскій шовинистъ, нѣмецкій колониалистъ, русскій панславистъ, ново-американскій экспансіонистъ,—всѣ они держатся того же самого убѣжденія, такъ же усиленно настаиваютъ на немъ, твердо вѣря въ способности, предназначеніе и права своей собственной націи. Эти настроенія, вѣроятно, отчетливѣй всего замѣчаются въ англійскомъ національномъ самосознаніи, но историческій ходъ событій воспиталъ тѣ же самыя импералистическія притязанія у всѣхъ политическихъ и экономическихъ державныхъ соперниковъ Англіи.

„Въ наши собственные дни, говоритъ Г. П. Гучъ,—Викторъ Гюго объявляетъ Францію „спасительницей народовъ“ и заявляетъ: „О, Франція, вселенной необходимо, чтобы ты была жива.

Я повторяю: „Франція необходима человечеству“! Виллари, повторяя слова знаменитаго Джюберти, заявляетъ о правахъ Италіи на первенство среди всѣхъ націй. Германскій императоръ обращается къ своему народу: „Добрый старый Богъ всегда былъ за насъ“. Побѣдоносцевъ отстаиваетъ Россію отъ всѣхъ „шибболетовъ“ упадочнической цивилизаціи и видитъ въ юныхъ мощныхъ славянскихъ странахъ послѣднее убѣжище сокровищъ и завоеваній историческаго прошлаго. Американцы и сейчасъ, какъ въ дни Мартина Чезлюита, увѣрены, что ихъ миссія—окружить весь земной шаръ“.

Эти чувства не составляютъ тайны. Въ разныхъ концахъ міра они воодушевляють юныхъ солдатъ, политиковъ и миссіонеровъ къ тому, чтобы содѣйствовать территоріальному расширенію Франціи, Германіи, Италіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ въ точности опредѣлить научное обоснованіе имперіализма, какъ міровой политики. Постоянная военная и промышленная борьба за жизнь и богатство между націями кажется необходимой для развитія силъ и способности къ соціальному творчеству главныхъ державныхъ соперниковъ. Такъ выполняется естественный процессъ подбора. Въ результатъ, въ руки одной или нѣсколькихъ націй, стоящихъ на высшемъ уровнѣ цивилизаціи, переходитъ право все болѣе широкаго и глубокаго вмѣшательства въ управление и экономическія отношенія міра. Посредствомъ устраненія или поработенія націй, неспособныхъ къ творчеству, происходитъ, слѣдовательно, повышение уровня человѣческой культуры.

Государственный мыслитель имперіалистъ передвигаетъ свою исходную точку зрѣнія съ чисто національныхъ, политическихъ или отчетливо выдѣляющихся нравственныхъ основъ на первоначальный базисъ научныхъ законовъ или аналогій биологіи.

Проф. К. Пирсонъ даетъ въ этомъ отношеніи прекрасную отправную точку разсужденія: „Исторія раскрываетъ передо мной только одинъ единственный путь, слѣдуя которому можно достигнуть высшей ступени культурности, именно,—борьба одной націи противъ другой, выживаніе психически и умственно наиболѣе приспособленной націи. Если желательно выяснитъ, способна-ли низшая по типу человѣческая раса развиться до высшаго типа, то, я боюсь, единственный способъ заключается въ томъ, чтобы предоставить этимъ расамъ сражаться между собой. Но даже послѣ этого въ борьбѣ за существованіе между лично-

стями и племенами одержить верхъ то физическое превосходство, отъ котораго, повидимому, въ такой сильной степени зависѣлъ успѣхъ арійцевъ“.

Предположимъ, что это представленіе о культурномъ развитіи въ прошломъ правильно. Означаетъ-ли это, что такіе же способы и приемы подбора должны господствовать въ будущемъ? Или, быть можетъ, есть еще какія-нибудь силы, вмѣшавшіяся въ послѣдующіе періоды человѣческой исторіи, и онѣ глубоко мѣняютъ, приостанавливаютъ или даже превращаютъ въ прямую противоположность тѣ силы подбора, которыя властвуютъ въ природѣ?

Проф. Пирсонъ даетъ полный отвѣтъ на эти сомнѣнія относительно необходимости физической борьбы между расами.

Повидимому, онъ признаетъ полезность физической борьбы за существованіе между отдѣльными личностями среди племенъ низшихъ расъ. Но общіе его взгляды, какъ „соціалиста“, рѣзко отличаются. Для того, чтобы данное племя, нація или какой-нибудь другой общественный союзъ были способны успѣшно бороться съ другимъ обществомъ, всякая индивидуальная борьба за жизнь въ предѣлахъ самого общества должна прекратиться. Поддержаніе способности къ успѣшному соперничеству, къ соціальному творчеству націи требуетъ прекращенія индивидуальной борьбы за жизнь или за средства существованія. Такое утвержденіе само по себѣ уже является отрицаніемъ общепризнаннаго закона прогресса въ животномъ царствѣ, гдѣ борьба за жизнь и другія жизненныя блага лежитъ въ основѣ прогресса животныхъ видовъ. Сотрудничество, общественная солидарность дѣйствительно являются новой составной частью въ развитіи высшихъ существъ, но борьба между индивидуальностями изъ-за ограниченныхъ запасовъ питанія или другихъ благъ остается руководящей силой прогресса и устраненія физически негодныхъ существъ.

Проф. Пирсонъ признаетъ и откровенно отмѣчаетъ ту опасность, которая угрожаетъ высшему типу человѣка, если прекратится борьба за существованіе между отдѣльными людьми, если современныя культурныя націи будутъ продолжать стремиться обезпечить всѣмъ людямъ, рожденнымъ среди нихъ, пищу, кровь и все необходимое для собственнаго обезпеченія и для продолженія рода.

Онъ признаетъ, что простое прекращеніе индивидуальной борьбы за существованіе не только не является необходимостью

для солидарности и національной творческой дѣятельности, но просто уравниваетъ эти положительныя качества тѣмъ, что обременяетъ общество множествомъ физически и нравственно слабыхъ людей, которые были бы вытѣснены при болѣе примитивныхъ формахъ борьбы за жизнь. Онъ справедливо становится на сторону того воззрѣнія, что національность, порождающая отъ своей слабой основы больше, чѣмъ отъ сильной, обречена на физическое и нравственное вырожденіе. Это имѣетъ рѣшающее значеніе для прогресса человѣка, какъ и для прогресса всякаго другого живого существа, имѣло такое же значеніе въ прошломъ, какъ будетъ имѣть въ будущемъ. Однако, гуманность и чувство общественной солидарности несомнѣнно требуютъ или просто допускаютъ, чтобы это условіе было принесено въ жертву: они устанавливаютъ новые приемы подбора сильныхъ людей.

Неразумная природа производитъ подборъ, сопровождая его количествомъ страданій и бѣдствій, требуя, чтобы множество личностей были рождены для бесплодной борьбы и гибели. Разумное человѣчество должно экономить и дѣлать болѣе человѣчной борьбу за существованіе, замѣняя правильнымъ общественнымъ подборомъ родителей простую гибель неудачныхъ дѣтей отъ истощенія, болѣзней и слабости.

Главной обязанностью организованнаго общества является предупрежденіе возникновенія плохихъ поколѣній, какъ ни трудно и, быть можетъ, опасно это. Въ данномъ случаѣ общество дѣйствуетъ исключительно въ силу самозащиты и въ интересахъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Совсе не является необходимостью для благополучія и прогресса общества, чтобы „негодныя“ дѣти вымирали. Необходимо, чтобы такія дѣти не рождались. Наконецъ, общество, находящееся въ состояніи процвѣтанія, должно, по самому характеру своихъ гражданъ, выполнять правильно эту обязанность предупрежденія.

Проф. Пирсонъ, обращаясь отъ общества индивидуальностей къ обществу націй, которое мы называемъ человѣчествомъ, требуетъ устарѣлыхъ, жестокихъ, неразумныхъ способовъ обезпеченія прогресса,—первобытной борьбы за физическое существованіе. Почему? Если полезно и нужно для прогресса отказаться отъ первобытно-грубой борьбы за существованіе между отдѣльными личностями, отъ семейныхъ и племенныхъ распрей, продолжающихъ существовать даже въ очень развитыхъ обществахъ, если необходимо расширить кругъ внутренняго общественнаго мира, пока онъ не совпадетъ съ границами всей національно-

сти,—то не должны ли мы итти дальше въ надеждѣ найти основы интернаціональнаго мира и сотрудничества, сначала устанавливая его между болѣе культурными и духовно близкими націями и, наконецъ, во всемъ кругу всемірнаго человѣчества?

Если разумный подборъ, замѣняющій собой борьбу за существованіе въ предѣлахъ небольшихъ группъ содѣйствуетъ прогрессу, то почему нельзя распространить ту же самую форму прогресса сначала на федерацію европейскихъ государствъ, а потомъ на федерацію міровую? Впрочемъ, въ данный моментъ дѣло идетъ не о величайшихъ практическихъ затрудненіяхъ при осуществленіи этого грандіознаго плана, а только о научной теоріи.

Нѣкоторыя формы человѣческой дѣятельности приносятся въ жертву, когда уничтожается внутренняя борьба въ предѣлахъ племени или національности, однако, справедливость требуетъ признать, что выигрышь для племенной или національной творческой дѣятельности и для объединенія далеко перевѣшиваетъ ущербъ. Развѣ нельзя предположить, что такая же біологическая и разумная экономія должна быть примѣнена для замѣны правильными государственными отношеніями существующей анархіи въ столкновеніяхъ національностей? Мы допускаемъ, что нація становится сильнѣе отъ того, что прекращается внутренняя самоубійственная борьба. Спрашивается, чѣмъ отличается болѣе узкій общественный союзъ отъ того случайнаго общественнаго объединенія, которое мы обозначаемъ, какъ „націю“, что заставляетъ насъ отказываться отъ экономіи силъ, едва только мы обращаемся къ большимъ націямъ?

Противъ идеи интернаціонализма выдвигается два возраженія. Одно имѣетъ историческій характеръ. Оно заключается въ томъ, что до настоящаго времени никогда не существовало всемірнаго союза націй и, насколько мы можемъ судить о ближайшемъ будущемъ, не будетъ существовать. Дѣйствительно, психическія и физическія отношенія между націями не имѣютъ сходства съ отношеніями между отдѣльными личностями или группами въ предѣлахъ націи. Общественный союзъ строится на извѣстнаго рода однородности характеровъ, интересовъ и симпатій образующихъ его людей. Въ древнемъ мірѣ связь рѣдко была достаточно прочной, если не считать близкихъ сосѣдей, и настоящимъ общественнымъ типомъ было городъ-государство. Такія города-государства постоянно находятся другъ съ другомъ въ состояніи войны, смягчаемой временными мирными договорами, только въ рѣдкихъ случаяхъ обезпечивавшими настоящее національное единство.

При такихъ условіяхъ тѣсное сотрудничество гражданъ было необходимымъ условіемъ общественнаго самосохраненія и прогресса, а борьба за существованіе между главными городами-государствами была способомъ прогресса въ соотвѣтствіи съ біологическими законами. Впослѣдствіи государство-городъ смѣнилось государствомъ націй, вмѣсто общественнаго строя древней Греціи или средневѣковой Италіи. Поэтому сохраняется та же необходимость поддерживать борьбу между націями по историческимъ и даже нравственнымъ основаніямъ, но, такъ же, какъ и раньше, сдерживать внутреннюю классовую борьбу.

Исслѣдователи психологи пытаются укрѣпить эту позицію, подчеркивая основное психологическое условіе національной жизни. Границы истиннаго національнаго общества опредѣляются степенью распространенія „сознанія общности“, какъ говоритъ проф. Гиддинсъ, „нравственной однородности“. Сторонникъ „Малой Англій“ можетъ принять это, какъ ограничительное условіе, или какъ законъ расширенія, чтобы оправдать импералистическое развитіе. Это зависитъ отъ того, что и въ какихъ предѣлахъ мы будемъ называть „сознаніемъ общности“, беря это чувство за основу въ одномъ случаѣ „націи“ въ другомъ— „имперіи“. Наиболѣе точное опредѣленіе этой теоріи въ ея практическомъ приложеніи, имѣющемъ цѣлью противодействовать идеѣ интернаціонализма, даетъ д-ръ Бозанке. „Государство-нація это самое широкое объединеніе, имѣющее соціальный опытъ, необходимый для того, чтобы сообща устроить жизнь“. Онъ до такой степени выдвигаетъ на первый планъ національный типъ общества, что въ результатъ уничтожаетъ нравственный смыслъ и полезность понятія человѣчества. „Согласно общепринятымъ взглядамъ на человѣческую цивилизацію, большая часть жившихъ донинѣ людей не имѣла жизни, цѣнной съ той точки зрѣнія, какъ она представляется намъ. Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что человѣчество, которое было предметомъ нашей нравственной вѣры, является въ дѣйствительности простой массой человѣческихъ существъ“. Въ основѣ этой мысли лежитъ убѣжденіе, что понятіе человѣчества не имѣетъ цѣнности и что нація является самодовлѣющей силой. Поэтому нравственныя взаимоотношенія между націями не имѣютъ никакой силы, во всякомъ случаѣ,—отношенія между высшими и низшими, западными и восточными націями.

Съ юридической точки зрѣнія, тотъ же взглядъ защищали нѣкоторые соціологи и государственные люди. По ихъ мнѣнію,

нѣтъ реального „права націй“, то есть, международнаго права, такъ какъ нѣтъ никакой „санкціи“, нѣтъ общепризнаннаго суда, чтобы устанавливать права и требовать ихъ осуществленія. Едва ли есть необходимость выяснять здѣсь юридическую цѣнность этихъ соображеній. Достаточно указать, что есть цѣлый рядъ фактовъ во взаимоотношеніяхъ націй, которые основаны на признаніи извѣстныхъ взаимныхъ обязанностей. Пренебреженіе этими обязанностями или нарушеніе ихъ наказывается разрывомъ на будущее время съ цѣлымъ рядомъ наиболѣе значительныхъ націй, нравственнымъ осужденіемъ и по возможности объединеннымъ вмѣшательствомъ другихъ государствъ. Къ числу такихъ обязательныхъ взаимоотношеній между націями относятся союзные договоры, международный кредитъ и обмѣнъ, всемірный почтовый союзъ, а въ болѣе узкихъ границахъ—общая желѣзнодорожная система, не говоря ужъ о сложномъ аппаратѣ договоровъ и конференцій для объединенныхъ интернаціональных дѣйствій, въ посольствахъ, консулатахъ, цѣломъ незаписанномъ сводѣ военнаго права, международной вѣжливости и т. д.

III.

Въ этомъ заключается главное основоположеніе настоящей интернаціональной федераціи, зародыши законной санкціи взаимныхъ правъ и обязанностей.

Ученое пренебреженіе ко всѣмъ этимъ жизненнымъ фактамъ въ современныхъ государственныхъ отношеніяхъ, пристрастіе теоретиковъ юристовъ и политиковъ школы Бисмарка къ націонализму, опирающемуся скорѣй на агрессивныя, чѣмъ на оборонительныя свойства патріотизма, ихъ взглядъ на вражду націй, какъ на самый важный и основоположный фактъ,—все это является самой опасной особенностью современной политики. Движуція экономическія силы имперіализма выдвигаютъ на первый планъ узкіе групповые интересы, объявляя ихъ общенаціональными и преслѣдуя только частныя и личныя выгоды, основанныя на интернаціональной враждѣ въ ущербъ національнымъ интересамъ, которые совершенно совпадаютъ съ интересами остальныхъ націй.

Упорное желаніе ограничить развитіе общественныхъ отношеній предѣлами уже достигнутыхъ національныхъ политическихъ основъ относится къ числу тѣхъ политическихъ явленій, которыя

будетъ очень трудно объяснить будущему историку. Общность интернаціональныхъ интересовъ такъ велика, такъ многообразна и такъ наглядна, ущербъ отъ вражды, страданія и бѣдствія такъ ощутимъ, что люди, не понимающіе размѣровъ вліянія частныхъ интересовъ на политику современнаго государства, могутъ подумать, будто имѣются какія-то естественныя преграды, въ видѣ расовыхъ особенностей, границъ, цвѣта кожи, которыя дѣлають невозможнымъ объединеніе національностей.

Однако, считать націонализмъ необходимою на томъ основаніи, что представителямъ отдѣльныхъ націй недостаетъ „опытности, необходимой для созданія общественной жизни“,—это значить очень плохо знать современную исторію. Если возьмемъ понятіе опытности въ его самомъ глубокомъ смыслѣ, принимая во вниманіе основныя особенности расы и культурной традиціи, опредѣляющее собой различія національностей, то мы увидимъ, что запасъ опыта, свойственнаго народамъ различныхъ національностей, чрезвычайно быстро обогащается вмѣстѣ съ ростомъ многочисленныхъ, скорыхъ и точныхъ способовъ сообщенія, свойственныхъ эпохѣ культурнаго развитія. Несомнѣнно, населеніе большихъ городовъ во всѣхъ наиболѣе культурныхъ европейскихъ государствахъ, все болѣе возрастая сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, пріобрѣтаетъ непрерывно увеличивающійся запасъ общей для всѣхъ опытности. Этому содѣйствуютъ не только внѣшнія формы жизни, но и внутреннее воспитывающее содержаніе того, что читають жители городовъ, ихъ искусство, ихъ наука и развлеченія. Они пріобрѣтають больше опыта, чѣмъ самыя выдающіеся отдѣльные люди европейскихъ національностей сто лѣтъ тому назадъ въ городѣ и въ деревнѣ. Прямое общеніе между людьми, обмѣнъ благами, распространеніе свѣдѣній такъ усилились, такъ развились и такъ растутъ непрерывно, что этотъ ростъ „общественнаго опыта, необходимаго для созданія общественной жизни“, перешелъ узкія границы національностей и является, несомнѣнно, основной чертой нашей современности.

Даже допуская нѣкоторыя ограниченія въ пользу частныхъ особенностей національныхъ характеровъ, смягчающихъ и видоизмѣняющихъ эти общія для всѣхъ явленія, можно сказать съ увѣренностью, что между наиболѣе сознательными и наиболѣе просвѣщенными группами главныхъ европейскихъ націй Европы установилась общность духовныхъ интересовъ и уже теперь создала въ области политики психическую основу для новаго и еще

неразвившагося интернаціоналізма. Любопытно и поучительно видѣть, что одни пользуются этими понятіями духовной общности и общаго опыта, какъ способомъ защиты существующихъ національностей и возраженія противъ попытокъ уничтожить остальные націи, а другіе, какъ на примѣръ, проф. Гиддингсъ, руководятся тѣми же понятіями для оправданія завоевательной политики и имперіализма...

Дѣйствительно, есть еще третій выходъ, если отказаться, съ одной стороны, отъ полной національной независимости, а съ другой,—отъ права завоеванія, въ силу котораго болѣе дѣятельныя націи уничтожаютъ менѣе творческія національности: этотъ выходъ заключается въ созданіи практически осуществляемой и непрерывно расширяющейся федераціи. Она должна развиваться въ соотвѣтствіи съ чрезвычайно выросшимъ общимъ опытомъ, должна разрушить границы, раздѣляющія наиболѣе близкія духовно націи, охватывая все болѣе широкое поле по мѣрѣ роста общаго опыта. Это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ кругъ взаимодѣйствія не будетъ втянуть весь культурный міръ, то есть, всѣ націи, уже накопившія достаточный запасъ общаго опыта, образующаго основу цивилизаціи.

Эта идея не противорѣчитъ сохраненію того, что есть дѣйствительно важнаго и цѣннаго въ націонализмѣ. Отъ этого не исчезнуть и не прекратятся тѣ формы борьбы, благодаря которымъ полнѣе всего выражается настоящій характеръ націи въ области промышленности, политики, искусства и литературы.

На это возражаютъ, что необходимый запасъ духовной близости и общаго опыта отсутствуетъ даже среди такихъ націй, которыя болѣе всего подвластны обобщающимъ тенденціямъ современности, что силы расовой и національной вражды даже въ такомъ случаѣ будутъ мѣшать истинному и могущественному объединенію. Въ отвѣтъ на это можно только повторить, что союзъ націй—дѣло практическаго опыта и, какъ всякій опытъ, долженъ быть испробованъ. Расовую и національную вражду такъ разжигали, такъ усиливали и поощряли въ классовыхъ и личныхъ цѣляхъ и интересахъ, что никогда еще не получали свободнаго выраженія глубоко заложенные симпатіи и чувства общности разныхъ народовъ, и тѣмъ менѣе могли эти чувства найти свое политическое воплощеніе. Самыя мощныя и самыя вліятельныя силы промышленной, умственной и нравственной жизни современной Европы содѣйствовали чрезвычайно быстрому и крѣпкому объединенію народныхъ массъ въ теченіе послѣдняго столѣтія, и онѣ

дѣлають жизненной необходимостью тотъ общій кругъ мыслей и чувствованій, интересовъ и стремленій, который образуетъ душу интернаціонализма.

Главныя экономическія силы, вліяющія на рабочую жизнь народныхъ массъ одинаково въ городѣ и въ деревнѣ, содержаніе и методы школьнаго, церковнаго и литературнаго воспитанія обнаруживаютъ больше чертъ сходства, чѣмъ различія. Поэтому утвержденіе, что народы Европы гораздо ближе между собой по своимъ интересамъ, чѣмъ ихъ правительства, вполне понятно, и эта общая связь уже настолько сильна, что можетъ создать могущественный и прочный фундаментъ для политическихъ федеративныхъ учреждений, если только будетъ сломлено сопротивление правящихъ классовъ, и истинная воля народовъ получить рѣшительное преобладаніе въ правленіи.

Переходя на почву политической дѣйствительности, можно считать вполне возможнымъ, что рабочіе классы разныхъ странъ, которымъ приходится умирать на войнѣ и оплачивать ее, въ будущемъ рѣшительно откажутся сражаться и платить, если только они поймутъ истинную природу тѣхъ убѣжденій, которыми пользуются, чтобы натравливать ихъ другъ на друга.

Если этотъ взглядъ правиленъ, то простой фактъ постоянного повторенія войнъ и постоянного обостренія націоналистической вражды не можетъ явиться доказательствомъ того, что между отдѣльными націями еще нѣтъ достаточной общности симпатій и духовныхъ интересовъ, и что поэтому невозможно прекращеніе грубыхъ физическихъ столкновеній между ними и установленіе политической организаціи, поддерживающей миръ.

Чтобы защищать это мнѣніе, нѣтъ необходимости преувеличивать размѣры интернаціональной общности интересовъ. Если только достигнута опредѣленная ступень дѣйствительной общности, она порождаетъ извѣстнаго рода духовное вліяніе, которое укрѣпитъ соотвѣтствующія политическія учрежденія. Въ этомъ замѣчается значеніе Гаагской конференціи,—одинаково, ея успѣха и ея крушенія. Ея успѣхъ выражается въ томъ простомъ фактѣ, что удалось создать зародышъ интернаціонализма. Это доказываетъ дѣйствительную явную общность интересовъ разныхъ націй въ ихъ стремленіи сохранить миръ. Крушеніе и ея откровенное высмѣиваніе нѣкоторыми политиками просто говоритъ о томъ, что у власти стоятъ клики и цѣлые классы, интересы и чувства которыхъ глубоко враждебны ихъ народамъ. Необходимость низвергнуть этихъ враговъ народа является новымъ доказатель-

ствомъ важности усиленія вліянія интернаціоналізма. Если обезпечить народное правленіе, не только по формѣ, но и по существу —этимъ самымъ будетъ обезпеченъ интернаціоналізмъ: сохраните господствующіе классы, и вы сохраните воинствующій имперіалізмъ и международныя войны...

IV.

Выясняя психологическіе доводы противъ представленія о націяхъ, какъ единственныхъ формахъ соціальной жизни, мы, повидимому, очень далеко ушли отъ біологической основы, отъ предполагаемой необходимости продолжать международныя войны для цѣлей естественнаго подбора. Въ дѣйствительности, мы только обозначили болѣе точно пункты расхожденія: вредимъ-ли мы индивидуальности націй, заставляемъ ли мы ихъ терять свою силу, сдѣлаемъ ли мы ихъ бессильными, погубимъ ли мы ихъ, признавая, что можно закрѣпить политическое народовластіе и обезпечить интернаціональныя учрежденія путемъ прекращенія войнъ? Неужели физическая борьба необходима для естественнаго подбора націй?

Обратимся къ вопросу о возможности прекращенія грубой физической борьбы между націями, борьбы, занимающей такъ много мѣста въ развитіи племенной или національной солидарности. По мѣрѣ усиленія такой системы національныхъ отношеній усиливаются грабительство, внутренніе раздоры, бѣдствія разнаго рода, а вслѣдствіе этого они перестаютъ служить способомъ выдѣленія болѣе сильныхъ, и теряетъ свой смыслъ стремленіе къ усиленію личности, во имя котораго они оправдываются.

Безудержно тратится личная энергія, раньше направленная на обезпеченіе жизни и жизненныхъ потребностей, и сводится къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ. Однако, борьба за индивидуальное существованіе не прекращается, но просто передвигается въ болѣе высокую область, чѣмъ та, гдѣ она находится въ животномъ мірѣ,—простого питанія и размноженія. вмѣсто борьбы за эти простѣйшія жизненныя цѣли, личности борются теперь съ самымъ крайнимъ напряженіемъ своей энергіи, накопленной въ нихъ прежними періодами борьбы,—за болѣе широкія и сложныя жизненныя цѣли, за наслажденія и богатство, за должности и личный почетъ, за ловкость, знанія, духовную силу и даже за болѣе высокія формы воплощенія личности, за право служить

близкимъ людямъ, съ которыми они сливаются въ чувствѣ расширенной индивидуальности, называемомъ нами альтруизмомъ или чувствомъ общественности.

Личность не только не страдаетъ, но даже выигрываетъ отъ прекращенія простѣйшихъ формъ борьбы. Она пріобрѣтаетъ больше энергіи, больше простора для своего развитія, находитъ болѣе широкое поле для борьбы съ соперниками. Такимъ образомъ, возникаютъ и развиваются болѣе высокія и разнообразныя формы личной силы.

Совершенно неправильно, будто борьба перестаетъ быть физической. Даже самыя высшія формы борьбы въ области духовныхъ и нравственныхъ интересовъ связаны съ физическими усиліями. Здоровье и вообще энергія, которыхъ требуетъ политическая, какъ и всякая иная духовная борьба, являются главнымъ, если не рѣшающимъ условіемъ успѣха. При всѣхъ высшихъ формахъ борьбы все еще происходитъ устраненіе физически негодныхъ людей, хотя критерій физической пригодности рѣзко мѣняется, сравнительно съ первобытными формами борьбы между людьми. Обычно устанавливаемыя различія между физическими, умственными и нравственными качествами и недостатками совершенно произвольны.

Это становится ясно, если обратить вниманіе на сложные методы, примѣняемые современной культурой для устраненія и окончательнаго уничтоженія поколѣній, „вырожденіе“ которыхъ доказывается не только физическими, но и умственными и нравственными признаками. Борьба за физическое превосходство никогда не прекращается, но физическія формы опредѣляются болѣе высокими и болѣе сложными свойствами характера, въ зависимости отъ болѣе высокаго уровня общественной полезности. Дѣло въ слѣдующемъ: національное правительство или государственный социализмъ, (пользуясь этимъ понятіемъ въ его широкомъ смыслѣ, какъ принудительной и воспитательной силы), не ограничиваетъ индивидуальной борьбы за существованіе. Поскольку эти силы примѣняются разумно, онѣ смягчаютъ личную энергію и ограничиваютъ область ея приложенія, но на самомъ дѣлѣ происходитъ прямо противоположное. Эти силы придаютъ борьбѣ болѣе разнообразныя и мягкія формы. Уравнивая для всѣхъ нѣкоторыя условія, онѣ дѣлаютъ борьбу благороднѣе, устраняя изъ нея случайность и другіе факторы, не связанные съ личнымъ превосходствомъ. Онѣ позволяютъ принимать участіе въ борьбѣ большому количеству соперниковъ

и такимъ образомъ даютъ возможность установить точныя доказательства личной силы и обезпечиваютъ правильный подборъ наиболѣе приспособленныхъ. Проф. Пирсонъ правильно доказываетъ, что просвѣщенное національное правительство должно замѣнить медленное, тяжелое и неправильное уничтоженіе плохой породы людей, происходящее путемъ постепеннаго вырожденія, какимъ нибудь разумнымъ контролемъ надъ дѣторожденіемъ. Оно должно предупреждать вырожденіе путемъ развитія общественнаго воспитанія или, въ случаѣ необходимости, законодательнымъ путемъ.

Если, такимъ образомъ, нація выработала для себя разумное самоуправленіе, и если соревнованіе отдѣльныхъ людей въ ея предѣлахъ происходитъ болѣе дѣятельно, но путемъ свободнаго приложенія силъ въ разнообразныхъ областяхъ жизни, открывая, слѣдовательно, просторъ для всѣхъ проявленій личности, то неужели необходимо для сохраненія и развитія національныхъ силъ попрежнему вести грубую борьбу съ другими націями? Если индивидуальность не погибаетъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ грубой борьбы за существованіе въ предѣлахъ націи, то почему должны исчезнуть могущественныя силы національности, если соответствующія измѣненія произойдутъ въ отношеніяхъ между націями?

Биологія не даетъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что соперничество между націями всегда должно оставаться грубой физической борьбой, и что замѣна естественнаго подбора разумнымъ въ отношеніяхъ между отдѣльными членами общества не можетъ произойти въ отношеніяхъ между націями и расами.

V.

Исторія націй даетъ, повидимому, свидѣтельства естественной необходимости имперіалистической политики и милитаризма, который является оружіемъ имперіализма. Эту необходимость признаютъ даже многіе изъ тѣхъ, кто возмущается противъ нея. Современный американскій писатель, проф. Ванъ-Дейкъ Робинзонъ, въ своей блестящей монографіи о войнѣ и экономикѣ; доказываетъ вѣчную необходимость войнъ, завоеваній и имперіализма, порождающаго ихъ, считая все это слѣдствіемъ „закона убывающаго плодородія“. Населеніе, живущее на небольшомъ пространствѣ, не просто увеличивается, но растетъ быстрѣе, чѣмъ

количество необходимых для него жизненныхъ продуктовъ. Улучшеніе способовъ производства не даетъ возможности обезпечить растущее народонаселеніе. Отсюда возникаетъ естественное и необходимое стремленіе къ захвату новыхъ богатыхъ странъ, борьба съ сосѣдями, стремящимися защитить свои блага, и побѣда надъ ними. То же самое стремленіе къ территоріальному расширенію проявляется и у сосѣдей по тѣмъ же самымъ причинамъ. Голодъ—это бичъ, заставляющій народы переселяться, и въ тѣхъ случаяхъ, когда эмигранты, благополучно завладѣвъ новыми плодородными странами, раньше безлюдными или занятыми народами, теперь обращенными въ рабство, стремятся сохранить политическій союзъ съ родной страной, возникаетъ неограниченно-широкое распространеніе націй. Такое національное распространеніе выражается или въ простой колонизаціи или создаетъ имперіализмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, понимая подъ этимъ централизованное правительство и насильственное подчиненіе низшихъ расъ. Сущность этой политики заключается въ захватѣ болѣе широкой области, необходимой для добыванія жизненныхъ продуктовъ. Нація съ растущимъ населеніемъ вынуждена или посылать въ другія страны все новыя волны населенія, чтобы оно тамъ само добывало себѣ средства къ жизни, или, если это невозможно, она должна сама производить товары во все большемъ количествѣ и искать рынка для нихъ, чтобы получать въ возмѣщеніе за нихъ жизненные продукты изъ другихъ странъ. Этимъ нарушается законъ противорѣчія между ростомъ населенія и уменьшеніемъ количества продуктовъ. Страны, съ которыми ведется обмѣнъ, тоже испытываютъ на себѣ дѣйствіе того же самого естественнаго закона. Чѣмъ больше націи увлекаются на этотъ путь, тѣмъ въ большей степени онѣ вынуждены или непосредственно испытывать на себѣ гнетъ этого закона и искать новыя страны для перемѣщенія избытка своего населенія, или онѣ втягиваются во все болѣе ожесточенное соперничество съ другими промышленными націями, стараясь расширить загроможденный или слишкомъ медленно расширяющійся рынокъ для своихъ товаровъ. И та и другая политика, въ силу необходимости, приводитъ къ имперіализму, котораго нельзя избѣжать. „Причины войнъ такъ же постоянны, какъ самъ голодъ. Онѣ возникаютъ изъ того же самого источника, изъ закона убывающаго плодородія. До тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ этотъ законъ, нельзя избѣжать войнъ. Въ концѣ концовъ, война—національное дѣло, имѣющее цѣлью создать для страны но-

вые заграничные рынки или удержать старые. Это необходимо, чтобы обезпечить своей націи ростъ и процвѣтаніе... *Chacun doit grandir ou mourir*".

Эта предполагаемая необходимость имперіализма часто подвергалась сомнѣніямъ, по крайней мѣрѣ, поскольку вопросъ ставится о Великобританской имперіи. Имперіализмъ вовсе не является необходимостью, чтобы увеличить посредствомъ торговли необходимый запасъ жизненныхъ продуктовъ, которыхъ нужно все больше и больше по мѣрѣ роста британскаго населенія. Съ другой стороны, такого рода обмѣнъ вовсе не является необходимымъ условіемъ для добыванія продуктовъ. Еще менѣе было необходимо для Англійи искать новыя страны, чтобы размѣстить тамъ избытокъ населенія.

Цѣнность всѣхъ этихъ доводовъ съ естественно-научной точки зрѣнія тоже подвергается большому сомнѣнію. По мѣрѣ культурнаго развитія человѣчества, то есть, по мѣрѣ усовершенствованія разумныхъ способовъ приспособленія человѣка къ окружающей его природной и общественной обстановкѣ, онъ пріобрѣтаетъ соотвѣтствующую способность освобождаться отъ гнета необходимости, властвующей въ низшемъ животномъ мірѣ.

Человѣкъ можетъ избѣгать необходимости переселяться и вести войны двумя путями: посредствомъ смягченія закона уменьшающагося плодородія въ земледѣліи и посредствомъ уменьшенія размѣровъ народонаселенія. Разумное культурное развитіе стремится примѣнить оба эти метода. Можно смѣло утверждать, что уже теперь въ отдѣльныхъ людяхъ воспитываются силы разума, направленные къ тому, чтобы избѣгать опасностей войны и захвата чужихъ странъ; эти силы непрерывно находятъ свое приложеніе въ политикѣ, въ основаніи которой лежитъ идея сотрудничества. Въ животной жизни и въ жизни людей, но именно постольку, поскольку она сохраняетъ еще животныя черты, война и захватъ территоріи остаются единственными способами обезпечить пропитаніе населенію, ростъ котораго опредѣляется исключительно дѣйствіемъ половыхъ влеченій и условіями окружающей обстановки. Но уже съ самаго начала вліяніе этихъ ирраціональныхъ силъ, господство которыхъ находитъ свое выраженіе въ законѣ убывающаго плодородія, ограничивается двумя способами.

Во первыхъ, улучшеніе способовъ земледѣлія и зачатки торговыхъ сношеній даютъ возможность увеличить размѣры населенія, способнаго прокормиться на данной территоріи. Во вторыхъ,

„естественнымъ“ препятствіемъ для чрезмѣрнаго роста населенія являются обычаи, связанные съ бракомъ и воспитаніемъ дѣтей. Часто эти обычаи имѣютъ дикій характеръ, какъ, на примѣръ убійство дѣтей. Обѣ эти силы являются грубыми зародышами „разума“, то есть сознательной человѣческой политики, прилагающей свои усилія въ борьбѣ за преодолѣніе неразумныхъ естественныхъ силъ. На протяженіи всей исторіи, насколько она намъ извѣстна, эти разумныя силы дѣйствовали такъ слабо и такъ медленно, что могли только задержать и смягчить дѣйствіе закона убывающаго плодородія. Но этотъ законъ вовсе не является непреодолимымъ. Есть основанія полагать, что способы разумнаго воздѣйствія въ будущемъ смогутъ достаточно развиться, чтобы преодолѣть природныя ограниченія, мѣшающія росту населенія въ предѣлахъ данной территоріи. Прогрессъ земледѣлія, даже въ самыхъ культурныхъ націяхъ прошлаго, совершается чрезвычайно медленно. Современная же наука, создавшая столько чудесъ въ революціонизированіи производства и транспорта промышленныхъ богатствъ, начинаетъ все болѣе и болѣе сосредотачивать свои усилія въ области земледѣлія. Теперь прогрессъ въ этой области идетъ гигантскими шагами. Когда наука земледѣльческой химіи и ботаники будетъ должнымъ образомъ руководиться и обогащаться практической мудростью великихъ земледѣльческихъ расъ, которыя, подобно китайцамъ, въ теченіе безчисленныхъ поколѣній сосредоточили весь свой практической геній на тщательномъ культивированіи растений, когда усовершенствованныя знанія въ области земледѣльческаго искусства будутъ прилагаться къ общему труду, тогда возможности интенсивной обработки земли станутъ совершенно неограниченными. Эти новыя условія національной земледѣльческой политики сами по себѣ чрезвычайно вліятельны и дѣлаютъ вполне понятнымъ, что нація, пользующаяся ими, можетъ въ теченіе долгаго времени избѣгать вліянія закона убывающаго плодородія. Она получаетъ возможность въ своей собственной странѣ добывать достаточно жизненныхъ продуктовъ, чтобы обезпечить растущее населеніе, приводя количество труда, прилагаемаго въ земледѣліи, въ соотвѣтствіе съ ростомъ населенія.

Имѣя въ виду недавніе опыты въ области интенсивнаго научнаго земледѣлія и замѣны необученныхъ фермеровъ осѣдлыми агрономами, необходимо признать, что эта побѣда законовъ ума надъ законами природы вполне возможна среди наиболее культурныхъ народовъ. Въ Великобританіи уже имѣли

мѣсто опыты такого рода усовершенствованія земледѣлія. Это было въ половинѣ 18-го вѣка и привело къ чрезвычайному улучшенію способовъ производства злаковъ. Если недолгія усилія и почти спортивный интересъ со стороны состоятельныхъ классовъ вызвали настоящую земледѣльческую революцію, то почему нельзя достигнуть того же теперь путемъ приложенія труда въ большемъ количествѣ, капитала, разума, управляемаго интересами правильной политики и объединенными усиліями современной науки?

Много причинъ чрезвычайно содѣйствуютъ такому же блестящему возрожденію земледѣлія въ Англии теперь. Растущее сознаніе гигиеническихъ и военныхъ опасностей, угрожающихъ націи, почти сплошь состоящей изъ городскихъ жителей, силы и способность которыхъ къ сопротивленію уменьшаются вмѣстѣ съ ростомъ ихъ зависимости отъ правильной доставки изъ-за границы необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, ставитъ первой задачей политики возвращеніе населенія въ деревню. Современный транспортъ, существующій на научно-техническихъ основаніяхъ, былъ до сихъ поръ центростремительнымъ, но теперь онъ все болѣе и болѣе становится центробѣжнымъ, по мѣрѣ того, какъ растущее распространеніе культуры содѣйствуетъ нравственному и эстетическому возмущенію противъ городской жизни.

Тщательная и обстоятельная реформа земледѣльческихъ отношеній въ цѣляхъ экономіи индивидуальныхъ силъ и расширенія земледѣльческой коопераціи является для Великобританіи основнымъ условіемъ быстрого и необходимаго прогресса. Всѣ эти условія лежатъ въ предѣлахъ человѣческихъ способностей и относятся къ области разумной политики. Если этотъ прогрессъ будетъ обезпеченъ соотвѣтствующими мѣропріятіями, то вполне возможно, что личныя стремленія къ прибыли, переносящія предпріимчивость и капиталъ въ область земледѣлія, могутъ создать въ Англии, какъ и во всякой другой промышленной странѣ, такую огромную производительность почвы, что историческая необходимость территоріальнаго расширенія для добыванія жизненныхъ продуктовъ потеряетъ всякое значеніе.

Едва ли надо спорить здѣсь о томъ, какую большую роль играетъ государственная политика и частная инициатива въ развитіи способовъ интенсивнаго земледѣлія. Достаточно сказать, что установленіе самаго факта возможности такой политики уже опровергаетъ въ значительной степени предполагаемую необходимость империалистическаго территоріальнаго расширенія. Оста-

ется только выяснить, въ какой степени возможенъ разумный контроль надъ ростомъ населенія, которое должно быть ограничено правильной національной экономіей, чтобы замѣнить ея опустошительную и жестокою расточительностью, какую проявляетъ природа, не ограниченная разумомъ. Какъ ни труденъ разумный контроль надъ количествомъ и качествомъ населенія, но онъ совершенно необходимъ для физическаго и нравственнаго прогресса, постоянно нарушаемаго грубымъ и жестокимъ вліяніемъ, оказываемымъ болѣзнями, голодомъ, чумой, внутренней гражданской войной и всѣми остальными варварскими способами борьбы за существованіе. Ограничиться естественными препятствіями для роста народонаселенія и отказаться замѣнить ихъ разумнымъ воздѣйствіемъ означаетъ не только содѣйствовать чрезмѣрному росту населенія, но и помогать выживанію и умноженію физически и психически негодныхъ особей человѣческаго рода. Съ другой стороны, лучшая и наиболѣе творческая часть населенія не будетъ имѣть возможности развиваться и количественно увеличиваться.

Здѣсь невозможно входить въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ могутъ быть приложены общественныя усилія къ предупрежденію размноженія слабосильныхъ людей, и какимъ образомъ устранить въ этомъ личный произволъ и частный интересъ. Растущая сила біологической науки въ данномъ случаѣ должна объединиться съ общественными усиліями. Однако, надо замѣтить, что разумное противодѣйствіе количественному росту населенія и его качественному ухудшенію уже имѣетъ мѣсто въ современныхъ культурныхъ обществахъ. Уже ставятся разумныя препятствія чрезмѣрному дѣторожденію, и, вѣроятно, значительно разовьются въ будущемъ. вмѣстѣ съ развитіемъ естественно-научнаго и нравственнаго воспитанія, способы ограниченія чрезмѣрнаго роста населенія станутъ, должно быть, въ будущемъ дѣйствительно разумными. Въ частности, растущая экономическая свобода женщинъ и повышение уровня ихъ интеллигентности будутъ содѣйствовать этого рода самоограниченію.

Второе возраженіе противъ закона убывающаго плодородія, будто бы дѣйствующаго съ непреодолимой необходимостью, въ значительной мѣрѣ сводится къ первому и является его дополненіемъ. Само по себѣ улучшеніе способовъ добыванія недостаточно, чтобы замедлить или прекратить дѣйствіе закона ограниченности жизненныхъ продуктовъ, добываемыхъ на территоріи данной націи. Но если тѣ же самыя силы человѣческаго разума,

которыя экстенсивное земледѣліе замѣняютъ интенсивнымъ, будутъ приложены въ области земледѣлія къ тому, чтобы совершенствовать породы злаковъ, замѣняя простой количественный ростъ качественнымъ улучшеніемъ, то взаимодействіе этихъ двухъ формъ улучшеннаго земледѣлія обезпечить торжество разумной политической экономіи надъ свободными силами природы.

Эти выводы разработаны сравнительно подробно потому, что необходимо выяснитъ разумныя начала, дѣйствующія въ области національной жизни, начала, противъ которыхъ такъ сильно грѣшитъ имперіализмъ. Для культурной націи нѣтъ никакой естественной необходимости расширять пространственно свою территорію, чтобы или увеличить производство жизненныхъ продуктовъ и другихъ формъ матеріальнаго богатства или искать рынки для вывоза избытка товаровъ. Индивидуальный и общественный прогрессъ одинаково заключается въ томъ, чтобы повсюду замѣнить экстенсивное количественное хозяйство интенсивнымъ качественнымъ. Невѣжественный крестьянинъ затрачиваетъ свой капиталъ и трудъ на обширныя области плохо обрабатываемой страны, гдѣ онъ можетъ найти много свободной и дешевой земли. Культурный крестьянинъ получаетъ гораздо большій урожай, сосредотачивая производительныя силы на небольшомъ участкѣ хорошо обработанной земли, сознавая, что лучшее примѣненіе его производительныхъ усилій само по себѣ ограничиваетъ предѣлы его участка. То же самое приходится сказать о національномъ хозяйствѣ въ его цѣломъ: жадное стремленіе къ новой территоріи и потребность въ національномъ расширеніи являются признакомъ варварства. По мѣрѣ развитія культуры и усовершенствованія промышленной техники ослабѣваетъ необходимость въ территоріальномъ расширеніи, а прогрессъ націи все болѣе и болѣе сосредотачивается въ интенсивномъ и количественномъ использованіи собственныхъ источниковъ благосостоянія.

Объемъ территоріи ни въ коемъ случаѣ не можетъ являться предпосылкой прогресса. Наоборотъ, онъ становится относительно все менѣе важнымъ съ каждымъ шагомъ отъ варварства къ цивилизованности. Мысль о неограниченномъ территоріальномъ расширеніи, будто бы необходимомъ или полезномъ, глубоко враждебна разумной и здоровой политикѣ.

Это ясно понимали лучшіе изъ древнихъ мыслителей. „Есть извѣстный предѣлъ государственнаго роста, писалъ Аристотель, какъ для всего другого, существующаго въ мірѣ, для животныхъ

и растений, ибо все имѣетъ свои качества и преимущества, если не становится ни слишкомъ большимъ, ни слишкомъ малымъ“. Для исторіи общимъ мѣстомъ стало нарушение этого правила. Истинное величіе націи создается только тѣмъ, что всѣ усилія отдаются развитію ограниченныхъ источниковъ національныхъ благъ, находящихся въ предѣлахъ даннаго государства. „Въ небольшихъ независимыхъ націяхъ есть могучая жизненная сила, писалъ Бернардь Голландъ въ своей книгѣ объ „Имперіи и свободѣ“, мощное сердце въ небольшомъ тѣлѣ, въ Іудеѣ, Афинахъ, Римской республикѣ, въ свободныхъ городахъ Италіи, Германіи, Фландріи и Англии. Имъ мы обязаны высшимъ развитіемъ всего того, что дѣлаетъ жизнь достойной“.

Если имперіалистическое расширеніе является въ дѣйствительности ничѣмъ больше, какъ только естественной фазой въ исторіи націи, то съ этимъ было бы спорить такъ же безцѣльно, какъ съ землетрясеніемъ. Но политика культурныхъ государствъ отличается отъ политики некультурныхъ тѣмъ, что они въ большей степени могутъ руководиться свободнымъ выборомъ, свободно опредѣляя характеръ своей дѣятельности. Тотъ же самый ростъ общественнаго разума, который технически дѣлаетъ для націи возможнымъ ея существованіе и процвѣтаніе, благодаря интенсивному національному хозяйству, открываетъ просторъ для того, чтобы обдуманнѣе усиліемъ воли противиться древней „судьбѣ“, благодаря которой націи, достигшія извѣстной ступени развитія, неизбежно идутъ къ заключительной катастрофѣ, увлеченныя на страшный путь имперіализма.

VI.

Несмотря на эти возраженія, защитники имперіализма отстаиваютъ свои взгляды другимъ способомъ.

„Если націи, говоритъ проф. Пирсонъ въ своей интересной книгѣ о „Национальной жизни“, не чувствуютъ болѣе необходимости бороться за свое существованіе и источники пропитанія, если ихъ населеніе уменьшается одновременно съ ростомъ способности разумно распоряжаться источниками своихъ матеріальныхъ благъ, то онѣ становятся негодными для физической борьбы. Отдаваясь роскошной и праздною жизни, онѣ не въ состояніи выдержать натиска низшихъ расъ, гдѣ населеніе растетъ неограниченно и, военное могущество не ослабѣло. Въ такомъ случаѣ высшія расы погибнутъ при столкновеніи“.

Ссылка на эту опасность покоится, однако, на цѣломъ рядѣ ложныхъ представленийъ объ исторической дѣйствительности и ея развитіи.

Невѣрно, будто единственной цѣлью прекращенія борьбы между индивидуальностями является увеличеніе способности данной націи къ физической борьбѣ противъ другихъ націй. По мѣрѣ развитія человѣка отъ варварства къ цивилизаціи, борьба за приспособленіе его природной и общественной обстановки для цѣлей повышеннаго уровня жизни постоянно выражается въ томъ, что замѣняетъ собой физическую борьбу съ другими націями за землю и жизненные продукты. Въ этомъ именно проявляется торжество интенсивной культуры. Отсюда возникаетъ все растущее стремленіе отдать промышленной технику тѣ силы, которыя раньше тратились на войну. Этимъ же объясняются всѣ техническія достиженія.

Для такой работы необходимо мирное, прочное и правильное сотрудничество. Между тѣмъ, прекращеніе внутренней классовой борьбы является въ большинствѣ обществъ слѣдствіемъ угрозы войны, но не тѣхъ нуждъ, которымъ удовлетворяетъ война. Этотъ фактъ имѣетъ основоположное значеніе для пониманія общественнаго развитія. Единственнымъ или главнѣйшимъ доводомъ въ пользу прекращенія борьбы между личностями выставляется усиленіе чисто военной мощи племени или націи. Дальнѣйшее развитіе общества, цѣлью котораго поставлена война, неизбежно должно повести къ исчезновенію личной свободы и инициативы, благодаря пожертвованію личности ради національныхъ цѣлей. Тотъ фактъ, что этого не произошло, что современные культурныя общества создали гораздо большую личную свободу, обезпечили за личностью возможность проявлять свою энергію и инициативу значительно больше, чѣмъ въ старыхъ обществахъ, только доказываетъ, что развитіе военной дѣятельности вовсе не является ни главной, ни единственной задачей общественной организаціи. Иными словами, тенденція культуры, развивающейся въ національныхъ границахъ, выражается въ томъ, чтобы превратить борьбу за существованіе изъ борьбы противъ другихъ націй въ борьбу съ окружающей природой. Такимъ образомъ, достиженія разума будутъ все болѣе направляться на то, чтобы затрачивать умственную энергію на завоеваніе интеллектуальныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ благъ и въ гораздо меньшей степени—на тѣ блага, которыя производятся силой земли и, вслѣдствіе закона уменьшающагося плодо-

родія, вынуждають отдавать умственную енергію на борьбу съ другими націями.

По мѣрѣ культурнаго развитія націй для нихъ становится все менѣе необходимымъ бороться съ другими націями за землю и пропитаніе, чтобы обезпечить существованіе возрастающему количеству населенія. Дѣло въ томъ, что улучшеніе промышленной техники даетъ имъ возможность пріобрѣтать все необходимое путемъ завоеванія природы, но не посредствомъ покоренія братьевъ-людей.

Эта истина еще не раскрылась во всемъ величии взорамъ современныхъ культурныхъ народовъ. Ихъ жажда чужого богатства и стремленіе къ захвату чужихъ земель все еще остается такимъ же обильнымъ источникомъ войнъ, какъ и въ старыя времена. Мысль, будто выгодно и необходимо воевать за новыя территоріи и отдаленные рынки, вмѣсто того, чтобы постепенно увеличивать производительность собственной страны и объемъ внутреннихъ рынковъ, исчезаетъ медленно. Ея источники ясны: ихъ надо искать въ господствѣ узкихъ классовыхъ интересовъ въ національной политикѣ. Только полная демократія, если она вообще достижима, въ состояніи направить національное хозяйство по правильному пути, замѣняя внѣшнюю борьбу съ другими націями внутренней борьбой съ окружающей обстановкой.

Если окажется возможнымъ для культурныхъ европейскихъ націй свергнуть ярмо классоваго правительства, интересы котораго требуютъ войны и територіальнаго расширенія, если удастся ограничить ростъ населенія, предупреждая рожденіе плохихъ дѣтей, если всѣ силы будутъ отданы на использование источниковъ природныхъ богатствъ,—тогда исчезнутъ поводы для столкновеній между націями, и дружественныя связи торговыхъ сношеній и культурнаго взаимодѣйствія обезпечатъ вѣчный миръ на основѣ интернаціональнаго союза.

Правильно развивающееся національное хозяйство не только устранитъ главныя причины войны, но и глубоко измѣнитъ промышленную борьбу, которую ведутъ правительства. Демократическія государства, сосредотачивая свои усилія на развитіи внутреннихъ рынковъ, не будутъ нуждаться въ тратѣ денегъ и людей для завоеванія внѣшнихъ рынковъ, менѣе цѣнныхъ и неустойчивыхъ. Соперничество за рынки означаетъ борьбу вовсе не между цѣлыми націями, а между отдѣльными группами капиталистовъ и купцовъ. Национальная экономическая борьба посредствомъ таможенныхъ тарифовъ, границъ и торговыхъ дого-

воровъ сдѣлается ненужной. Опасности и враждебныя отношенія, являющіяся слѣдствіемъ національной торговой политики, всецѣло вытекаютъ изъ того факта, что государственная власть и политическое преобладаніе въ современныхъ націяхъ захвачены капиталистами и финансистами. Устраните ихъ, и возникнетъ глубокая, истинная, постоянная гармонія интересовъ между отдѣльными націями. Ее смутно предвидѣли проповѣдники свободы торговли и промышленности. Если господствующіе классы будутъ побѣждены, то гармонія національныхъ интересовъ установится сама собой, и представленіе о необходимости промышленныхъ войнъ между національными государствами окажется обманомъ, вполне соотвѣтствующимъ, по своему источнику и своей природѣ, ложному представленію о біологической необходимости войнъ.

Борьба за существованіе является постоянной движущей силой общественнаго прогресса, выживаніе физически сильныхъ людей необходимо и естественно. Однако, ростъ человѣческаго разума смягчаетъ эту борьбу, замѣняя разрушительные способы подбора предупредительными и превращая грубую физическую силу въ болѣе высокую способность физической выносливости, являющейся основой для высшихъ формъ психической творческой дѣятельности. Если человѣкъ не ведетъ борьбы за пропитаніе, его личная энергія сохраняется, но борьба за жизнь переносится въ иную плоскость. Если это правильно для отношеній между отдѣльными людьми, то также приложимо и къ отношеніямъ между націями. Интернаціональное народное хозяйство покоится на тѣхъ же основахъ, что и національное. Какъ сильная личность не исчезаетъ, но совершенствуется, благодаря хорошему національному правленію, такъ же не исчезаетъ, но совершенствуется національность въ рамкахъ интернационализма.

Война и борьба посредствомъ таможенныхъ пошлинъ являются грубѣйшими низменными формами національной вражды, свидѣтельствуя о крайне низкомъ уровнѣ національнаго развитія. Если интернаціональное правительство уничтожитъ войны и восстановитъ свободу торговли, начнется истинная жизненная борьба за воплощеніе національности. Какъ въ отношеніяхъ между отдѣльными личностями, такъ и въ отношеніяхъ между національностями соревнованіе становится болѣе цѣннымъ, если оно происходитъ на основѣ борьбы за болѣе высокія цѣнности. Переставъ бороться другъ съ другомъ пушками и таможенными тарифами, націи начнутъ бороться идеями и духовными цѣнностями.

Если дѣйствительно существуютъ самостоятельные культурные типы кельтовъ, тевтоновъ, разныхъ отраслей славянскихъ и латинскихъ расъ, то они смогутъ осуществить свои національныя культурныя цѣнности только при условіи международнаго мира.

Поскольку національность или раса имѣютъ своеобразныя или самостоятельно цѣнныя черты характеровъ, со своей собственной и общечеловѣческой точки зрѣнія, эти цѣнности и это своеобразіе могутъ найти свое выраженіе только въ трудовой дѣятельности. До сихъ поръ поглощеніе огромнаго количества національной энергіи военной и простѣйшей технической дѣятельностью препятствовало развитію высшихъ формъ національнаго самоопредѣленія. Постоянная вражда въ международныхъ отношеніяхъ мѣшала духовному общенію между націями и не позволяла глубоко проникать въ другіе народы тому, что дѣйствительно возвышенно и характерно въ національномъ творчествѣ художественныхъ, литературныхъ и умственныхъ цѣнностей. Вслѣдствіе этого, затруднялся утонченный воспитательный процессъ, заключающійся въ созданіи настоящаго общечеловѣческаго чувства, основаннаго не на неопредѣленномъ чувствѣ воображенія, а на общемъ для всѣхъ жизненномъ опытѣ и на взаимномъ пониманіи. Мирныя взаимоотношенія между націями являются не только условіемъ, но и могущественной движущей силой національной энергіи и высшихъ достиженій въ области искусства жизни. Самоувѣренность національной гордости ни въ коемъ случаѣ не можетъ дать достаточно полнаго, здороваго мѣрила человѣческой силы. Это можетъ быть достигнуто только безпристрастнымъ сужденіемъ культурнаго человѣчества, не зараженнаго низменными патріотическими предрасудками, но доказавшаго, что оно способно возвыситься до уровня общечеловѣческаго чувства.

Немногіе отдѣльные геніальные люди, художники и писатели, нѣкоторые ученые и религіозные мыслители сумѣли разбить національныя преграды и стали поэтому плодотворными силами гуманности по отношенію къ другимъ націямъ. Это такіе люди, какъ Христосъ, Будда, Магометъ, Гомеръ, Шекспиръ, Платонъ, Аристотель, Кантъ, Коперникъ, Ньютонъ, Дарвинъ. Гораздо больше великихъ людей оказали могущественное и плодотворное воздѣйствіе въ узкомъ кругу науки и литературы и въ средніе вѣка достигли осуществленія интернаціонализма, погибшаго послѣ того, какъ въ наше время воинствующій націонализмъ опять развился и постепенно овладѣлъ культурой.

За предѣлами этихъ завоеваній личнаго генія главные потоки національнаго вліянія и творчества, которые могли бы оплодотворить широкіе просторы духовной жизни, остались ограниченными узкими рамками національности. Национализмъ, какъ ограничительная и стѣснительная сила, обостряя политическую и экономическую вражду, низводя соревнованіе націй до низменнаго уровня военныхъ столкновеній, повсюду уничтожилъ такія національныя взаимоотношенія, которыя необходимы для высшихъ формъ соревнованія, въ борьбѣ языковъ, литературъ, научныхъ теорій, религіозныхъ, политическихъ и общественныхъ учреждений и всѣхъ тѣхъ искусствъ и силъ, которыя являются высшимъ и самымъ значительнымъ воплощеніемъ національной и индивидуальной жизни.

VII.

Эти мысли глубоко подтачиваютъ корни ложныхъ и грубыхъ соціологическихъ теорій, предполагающихъ, что основной формой національной дѣятельности является борьба военныхъ и промышленныхъ силъ. Единственный смыслъ, въ какомъ надо понимать творческія способности націй, заключается въ могуществѣ, которымъ располагаютъ націи, въ приспособленіи къ своей природной обстановкѣ и въ ея измѣненіи для своихъ цѣлей. Достиженія въ области религіи, права, политики, умственной жизни, промышленной техники и т. д. являются выраженіемъ этой творческой способности. Если твердо помнить это, станетъ очевиднымъ, что есть много различныхъ формъ творческой общественной дѣятельности, а предположеніе, будто вся цивилизація идетъ по одному пути, и что размѣры общественнаго творчества и степень культурности опредѣляются разстояніемъ между націями, ушедшими впередъ или отставшими,—основано на совершенно ложномъ заблужденіи.

Истинная творческая дѣятельность націи, ея культурность проявляются въ чрезвычайно сложныхъ формахъ духовныхъ завоеваній и творчества. Біологъ, который понимаетъ свою науку, долженъ признать, что настоящее доказательство творческой дѣятельности націи требуетъ, чтобы столкновенія между націями не проявлялись въ первобытной формѣ сраженій съ военнымъ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи различія націй невелики: борьба между націями должна вестись посредствомъ болѣе сложнаго оружія,—умственнаго и нравственнаго,

выражающаго собой высшія формы культурнаго разнообразія націй. Эта борьба, которая ведется посредствомъ разума, является, тѣмъ не менѣе, борьбой за существованіе, потому что въ ней умирають не люди, а идеи и учрежденія, обнаружившія свою нежизнеспособность. Міровая культура можетъ подняться на болѣе высокую ступень своего развитія только при условіи, если борьба національныхъ идей и учреждений будетъ совершаться свободно, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ положенъ конецъ грубымъ формамъ военныхъ и промышленныхъ битвъ.

Біологія всегда считала условіемъ прогресса соревнованіе между отдѣльными личностями. По мѣрѣ роста разума въ націяхъ, она суживаетъ кругъ борьбы и опредѣляетъ его извѣстными законами, но не для того, чтобы прекратить борьбу, а чтобы сдѣлать ее свидѣтельствомъ высшихъ формъ личнаго искусства и умѣнія. Біологія считаетъ необходимымъ условіемъ міроваго прогресса продолженіе борьбы между націями и расами. Но такъ какъ разумъ культурнаго человѣчества совершенствуется, то наука требуетъ, чтобы способы борьбы стали болѣе разумными и давали правильныя опредѣленія національныхъ способностей и національнаго превосходства.

Представленіе о мѣрѣ, какъ о группѣ націй, изъ которыхъ поочередно устраняются одинъ за другимъ болѣе слабые бойцы, пока, наконецъ, не останется одна нація, самая дѣятельная, чтобы править міромъ и властвовать надъ нимъ, не выдерживаетъ научной критики. Эта теорія, призванная защищать притязанія воинствующаго націонализма и узкіе интересы національности, предполагаетъ, однако, какъ конечный результатъ, такое однообразіе характера и общественной обстановки, которое является по существу полнымъ отрицаніемъ національности.

Предположеніе, будто прекращеніе войнъ, если дѣйствительно имъ будетъ положенъ конецъ, поведетъ къ упадку національныхъ силъ, основано на совершенной неспособности понять, что низшія формы борьбы прекратятся только для той цѣли и только съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, что станутъ возможными болѣе высокія формы борьбы. Въстѣ съ прекращеніемъ войнъ вовсе не погибнетъ то, что есть наиболѣе жизненнаго и цѣннаго въ національности. Наоборотъ, все это разовьется и усилится гораздо въ большей степени, чѣмъ прежде, когда національный духъ, на основѣ котораго вырастаютъ духовныя цѣнности, былъ всецѣло поглощенъ низменными формами военной борьбы.

Интернаціоналізмъ вовсе не противорѣчитъ истиннымъ цѣлямъ націоналізма, какъ не противорѣчитъ индивидуализму соціализмъ, осуществляемый въ предѣлахъ націи. Вопросъ о соціализмѣ и его осуществленіи неразрывно связанъ съ вопросомъ о прекращеніи войнъ. Соціалистическія начала могутъ вводиться по мѣрѣ усиленія личности. Мы перестанемъ сражаться бомбами для того, чтобы начать вести войну идей.

Все, что лежитъ въ основѣ біологической борьбы за существованіе, сохраняется. Сохраняются силы, побуждающія развитіе личной силы, остается напряженность борьбы, устраненіе менѣе годныхъ и выживаніе наиболѣе совершенныхъ.

Борьба становится болѣе осмысленной по своимъ проявленіямъ, цѣлямъ и результатамъ, а разумъ—это только высшая форма природы.

VIII.

Близорукость школы соціологовъ-естествоиспытателей нигдѣ не проявляется болѣе отчетливо, чѣмъ въ томъ исключительномъ вниманіи, какое она удѣляетъ простѣйшимъ формамъ борьбы, непосредственному столкновенію личностей и видовъ, въ пренебреженіи къ огромной роли „скрещиванія“, какъ главнаго средства прогресса въ органической жизни.

Законъ плодотворности „скрещиванія“ въ приложеніи къ культурѣ и творческой общественной дѣятельности, одинаково въ духовной и физической области, требуетъ, какъ необходимаго средства для своего осуществленія, интернаціоналізма. Понятно, въ историческомъ развитіи скрещиваніе національныхъ типовъ гораздо чаще осуществлялось войной, завоеваніемъ и порабощеніемъ. Однако, эти способы, хотя они и служили прогрессу на протяженіи общаго хода развитія человѣчества, были чрезвычайно опустошительны, оказывали лишь косвенное воздѣйствіе и имѣли болѣзненный характеръ. Подборъ націи не опредѣлялся сознательнымъ пониманіемъ будущаго и нисколько не служилъ высшимъ цѣлямъ общественнаго творчества. Но по мѣрѣ того, какъ интернаціоналізмъ создаетъ свободное общеніе между націями для высшей цѣли мирныхъ отношеній, смѣшеніе расъ начинается опредѣляться на основаніи родства наиболѣе способныхъ къ творчеству и культурныхъ расъ. Такимъ образомъ новыя формы національныхъ типовъ становятся многочисленнѣй, и между

ними возникает соревнование. Онъ становятся дѣтельными силами прогресса, повышая характеръ и напряженность соревнованія и ускоряя прогрессъ человѣчества.

Можно продолжить біологическія аналогіи еще дальше и удовлетворить требованіе проф. Пирсона, чтобы общество, общественное мнѣніе и законъ оказали свое прямое воздѣйствіе въ цѣляхъ предупрежденія размноженія слабыхъ людей. Если обычный процессъ физической дегенерации въ предѣлахъ націи недостаточенъ для устраненія слабыхъ людей и долженъ быть дополненъ непосредственнымъ запрещеніемъ браковъ между слабыми родителями, то необходимо въ интересахъ человѣчества, примѣненіе широкихъ мѣръ для обезпеченія здороваго физическаго и духовнаго развитія общества. Подобно тому, какъ слабыя личности погибаютъ при соприкосновеніи съ цивилизаціей, которую онѣ не въ состояніи усвоить, точно такъ же низшія расы исчезаютъ при столкновеніи съ высшими расами, болѣзни и физическіе пороки которыхъ не могутъ быть ими перенесены. Разумное культурное воздѣйствіе въ интересахъ всего общества можетъ содѣйствовать уничтоженію выродившихся или неспособныхъ къ культурному развитію расъ, соотвѣтственно тѣмъ ограниченіямъ, какія нація можетъ наложить на размноженіе слабыхъ людей въ своей собственной средѣ. Здѣсь не мѣсто выяснять нравственныя и практическія средства, какими можетъ быть достигнута эта цѣль. Съ естественно-научной точки зрѣнія, способы непосредственнаго цѣлесообразнаго устраненія негодныхъ особей должны примѣняться самой націей. Это въ особенности важно потому, что устраненіе негодныхъ расовыхъ элементовъ предполагаетъ собой существованіе политической интернаціональной организаціи, которая устранить войну и замѣнить грубый національный подборъ и истребленіе расъ болѣе разумными приѣмами.

Остается сомнительнымъ, сможетъ ли нація или союзъ націй пойти такъ далеко, чтобы осуществить въ полной мѣрѣ искусство соціальной педагогики, примѣняя „скрещиваніе“ племенъ или расъ. Но если необходимость сохранять и развивать здоровые національные элементы всегда давала право на такіе эксперименты, то мы можемъ думать, что послѣдовательность требуетъ примѣненія тѣхъ же способовъ, когда образуется союзъ націй.

Далѣе, если позволительно сомнѣваться, въ какой степени законъ цѣлесообразности „скрещиванія“ породъ можетъ быть во всей его полнотѣ перенесенъ изъ міра животныхъ организмовъ

въ царство идей, то, во всякомъ случаѣ, нельзя оспаривать, что вообще это вполне допустимо. Въ области умственной жизни уже стало общимъ мѣстомъ, что научныя теоріи, религіи, соціальныя идеи и политическое искусство чрезвычайно выигрываютъ отъ свободнаго, дружескаго и жизненнаго общенія съ другими теоріями, искусствами и учрежденіями. Благодаря этому, негодныя формы уродства и искаженія неизбѣжно погибаютъ. Въ данномъ случаѣ безразлично, должны ли мы разсматривать столкновение идей, чувствованій и искусствъ, какъ прямую борьбу за существованіе, въ которой погибаетъ плохое и ложное, а истинное выживаетъ, или происходитъ дружественное соприкосновение, на основѣ взаимодѣйствія и усвоенія лучшихъ элементовъ. Во всякомъ случаѣ, интернаціонализмъ гораздо болѣе необходимъ, какъ условіе для правильнаго осуществленія этого процесса, чѣмъ націонализмъ.

Только въ томъ случаѣ, если мы выяснимъ истинную природу развитія и оплодотворенія идей, искусствъ и учреждений, этихъ здоровыхъ плодовъ національнаго развитія, которое мы считаемъ способомъ правильнаго развитія въ противоположность простому насильственному расширенію націй—мы можемъ оцѣнить должнымъ образомъ значеніе Англійской имперіи. Когда націи стремятся къ тому, чтобы поработить себѣ другую, захватить ея страну или торговлю, владычество, установленное завоевателемъ, не можетъ быть длительнымъ. Неожиданный поворотъ въ области военныхъ и промышленныхъ отношеній,—и внезапныя волны смываютъ плоды побѣды, оставляя только незначительныя струйки вліянія. Напротивъ, мирное вліяніе гораздо болѣе длительно, глубоко и честно. Шекспиръ, Байронъ, Дарвинъ и Стивенсонъ несравненно больше содѣйствовали вліянію Англии на міровую исторію, чѣмъ всѣ государственные люди и генералы, которые завоевывали новыя области и аннексировали новыя провинціи. Это прекрасно выражено Макколеемъ: „Имперія, свободная отъ всѣхъ опасностей естественнаго упадка,—вѣчная, непобѣдимая имперія нашего искусства и нашихъ нравственныхъ идей, нашей литературы и нашего законодательства“. Противорѣчіе экстенсивной имперіи вовсе не является красивымъ словомъ: оно коренится въ естественно-научной необходимости.

Условія грубой борьбы за жизнь, страну и торговлю другихъ націй исключаетъ возможность болѣе цѣлесообразнаго и выгоднаго идейнаго соперничества, расширяющаго предѣлы духовной національной имперіи. Здѣсь дѣйствуетъ не только экономія энергіи, не позволяющая вести одновременно двѣ формы

борьбы,—духовной и физической. Гораздо больше значенія имѣеть тотъ фактъ, что истинная природа физической борьбы побуждаетъ каждую націю въ отдѣльности замкнуться въ надменной самоувѣренной гордости, исключаящей возможность духовнаго общенія съ другими націями.

Дѣятельный интернаціонализмъ является единственно здоровой основой разумнаго соревнованія націй. Когда борьба ведется грубыми физическими способами, часто бываетъ, что случайность, численность или какіе-нибудь приемы упрощеннаго коварства обезпечиваютъ побѣду за народомъ, стоящимъ на низшей ступени способности къ культурному творчеству, народу неустойчивому и бездѣятельному, замедляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, или останавливая развитіе другого народа, творческія силы котораго и способности къ прогрессу гораздо выше.

Только по мѣрѣ развитія правильнаго національнаго и расоваго подбора міръ можетъ быть обезпеченъ отъ этихъ ужасныхъ и опустошительныхъ бѣдствій. Только интернаціональное правительство въ состояніи обезпечить слабыя, но культурныя національности, сдержать грубое насиліе могущественныхъ хищниковъ, обезпечить равенство и дать необходимыя гарантіи для національнаго самоопредѣленія. Республика націй является необходимымъ условіемъ благосостоянія и процвѣтанія большинства націй.

Борьба за существованіе можетъ возвыситься до уровня благороднаго соревнованія, обезпечивающаго возможность побѣды наиболѣе утонченныхъ и совершенныхъ формъ общественнаго творчества, только при условіи, если зачаточныя, простыя, неоформленныя, часто неискреннія формы интернаціональнаго государственнаго строя разовьются до степени созданія мощнаго, стройнаго и вліятельнаго международнаго правительства.

Заслуживаетъ разсмотрѣнія только одно возраженіе, направленное противъ идеи федераціи всѣхъ культурныхъ націй. Если мы предположимъ возможность федеративнаго государственнаго строя всѣхъ европейскихъ націй и созданныхъ ими колоній; если внутреннія войны между ними будутъ прекращены, то этотъ „миръ христіанскаго міра“ будетъ постоянно нарушаемъ „низшими расами“, черной и желтой. Эти расы, усвоивъ способы вооруженія и военную тактику, отъ которой откажутся культурныя расы, уничтожатъ ихъ своими варварскими набѣгами, подобно тому, какъ грубыя европейскія и азіатскія расы уничтожили Римскую имперію. Вѣдь мы не можемъ поднять весь міръ до того культурнаго уровня, который мы предполагаемъ возможнымъ для

интернаціонального союзу европейскихъ націй. Другія державы останутся постоянной угрозой. Если главнымъ условіемъ федераціи является устраненіе милитаризма изъ состава національной дѣятельности, то сопротивленіе нападающимъ варварамъ станетъ совершенно невозможнымъ. Такова была общая судьба всѣхъ великихъ имперій въ историческомъ прошломъ. Обладаетъ-ли федеративная Европа какимъ-нибудь закліатіемъ противъ этой опасности?

На это соображеніе можно отвѣтить, прежде всего, слѣдующимъ образомъ. Въ древнихъ имперіяхъ было два главныхъ явленія, содѣйствовавшихъ ослабленію ихъ способности сопротивляться натиску варваровъ извнѣ и усиленію смѣлости нападающихъ. Во первыхъ, экономическій паразитизмъ, развитіе котораго допустило правящее государство въ своихъ провинціяхъ, колоніяхъ и подчиненныхъ странахъ, съ цѣлью обогатить правящіе классы и подкупить народныя массы. Система грабительскаго подчиненія ослабляла энергію правящаго народа, возбуждала и провоцировала возстанія наиболѣе сильныхъ и наиболѣе угнетаемыхъ подчиненныхъ расъ. Каждое возстаніе, потопленное въ крови, вызывало новыя волны недовольства, направленнаго противъ властвующей державы.

Второе явленіе, тѣсно связанное съ первымъ, заключалось въ той формѣ „паразитизма“, которая носитъ названіе наемнаго войска. Это самый печальный признакъ имперіалистическаго вырожденія, благодаря которому насильникъ самъ себя лишаетъ способности и оружія самозащиты, отдавая его въ руки своихъ наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ враговъ.

Это роковое соединеніе неразумія и пороковъ всегда вело къ крушенію имперіи прошлаго. Обречена ли на ту же самую участь федерація европейскихъ государствъ?

Ея гибель окажется неизбѣжной, если силы національнаго объединенія будутъ направлены къ тому, чтобы создать тотъ же самый паразитизмъ, если бѣлыя расы, пренебрегая производительнымъ тяжелымъ трудомъ, создадутъ своего рода міровую аристократію, основанную на эксплуатаціи низшихъ расъ, постепенно отдавая въ руки именно этихъ расъ органы управленія міромъ. Такого рода опасности неизбѣжны, если федерація европейскихъ государствъ окажется просто возобновленіемъ въ новыхъ формахъ древнихъ имперій, и если „европейскій миръ“ будетъ служить для тѣхъ же цѣлей, будетъ поддерживаться тѣми же средствами, что и „римскій миръ“. Это важный вопросъ,

отвѣтъ на который будетъ испытаніемъ всѣхъ творческихъ способностей современной культуры.

IX.

Изслѣдованіе современнаго состоянія имперіализма дѣлаетъ вполне ясными образующія его экономическія и политическія силы. Эти силы имѣютъ своимъ источникомъ узкіе интересы нѣкоторыхъ промышленныхъ, финансовыхъ и профессиональных классовъ, ищутъ средствъ удовлетворенія своихъ частныхъ выгодъ путемъ имперіалистическаго расширенія и пользуются имперіалистической политикой для защиты своихъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ привилегій противъ натиска демократіи. Остается выяснитъ вопросъ, почему имперіализму удается избѣжать разоблаченія, выясняющаго для всѣхъ, какая это своекорыстная и грязная система? Каждая нація въ отдѣльности, поскольку она наблюдаетъ имперіализмъ у своихъ сосѣдей, не поддается обману. Своекорыстные интересы классовъ, господствующихъ въ политикѣ и промышленности, ясно обнаруживаются въ характерѣ ихъ внѣшней политики. Каждая европейская нація ясно видитъ истинныя черты Британскаго имперіализма и обвиняетъ англичанъ въ лицемѣрїи и притворномъ самоослѣпленїи. Но это неосновательно. Ни одна нація не замѣчаетъ сама своихъ недостатковъ. Обвиненіе въ лицемѣрїи можетъ быть правильно по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, но никогда оно не бываетъ вѣрно по отношенію къ цѣлой націи. Французъ или нѣмецъ думаютъ, будто англійское стремленіе къ развитію внѣшнихъ сношеній, къ уничтоженію рабства и распространенію культуры является ложнымъ прикрытіемъ, обманомъ, скрывающимъ за собой простое насильственное національное самоутвержденіе. Въ дѣйствительности это не такъ.

Есть нѣкоторая, но не очень большая часть англійскаго населенія, искренне жаждущая распространенія христіанства среди язычниковъ, уменьшенія жестокостей и другихъ страданій, существующихъ, какъ имъ кажется, въ другихъ странахъ, болѣе обездоленныхъ, чѣмъ ихъ родина. Они думаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло распространенія въ мірѣ идей челоуѣчности. Въ большей части вѣроисповѣданій есть небольшія группы мужчинъ и женщинъ, глубоко, даже страстно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Есть большое количество людей, сочувствующихъ имъ, хотя не такъ сильно. Все это вполне искренне. Плохо освѣдомленные

въ исторіи и психологіи, эти люди воображаютъ, будто религія и другія культурныя цѣнности являются удобопереносимыми благами, передача которыхъ отсталымъ націямъ лежитъ на ихъ обязанности, а нѣкоторая доля насилія, при навязываніи этихъ благъ другимъ народамъ, оправдывается невѣжествомъ и неспособностью сразу воспринять ихъ.

Удивительно ли, что своекорыстныя силы, направляющія собою политику имперіализма, стараются использовать, въ качествѣ защитнаго цвѣта, эти безкорыстныя увлеченія? Имперіалистическіе политики, генералы, директора акціонерныхъ предприятий, которые въ своей дѣятельности прибѣгаютъ къ ужасающимъ жестокостямъ въ Африкѣ, примѣняя отвратительныя насилія въ Премпе или Тебовѣ, открывая новыя области для дѣятельности миссіонеровъ въ Китаѣ или Суданѣ, конечно, не обнаруживаютъ открыто мотивовъ своей дѣятельности, боясь возбудить негодованіе въ общественномъ мнѣніи Англіи. Они просто присваиваютъ себѣ сильныя, искреннія и возвышенныя убѣжденія, поощряютъ и питаютъ ихъ, пока они не начинаютъ возбуждать энтузіазмъ, и тогда пользуются ими для своихъ цѣлей.

Политики всегда, а дѣловые люди иногда, увѣрены, что достигаемая ими политическія или финансовыя выгоды запечатлѣны возвышенными побужденіями. Хорошо извѣстно, что лордъ Сольсбери дѣйствительно былъ убѣжденъ, будто Южно-Африканская война, въ которой виновато правительство, была предпринята для блага населенія Южной Африки, будто она имѣла своимъ слѣдствіемъ ростъ свободы и богатства. Совершенно такъ же графъ Грей думалъ, что руководимая имъ Акціонерная Компания была воодушевлена стремленіемъ улучшить матеріальное положеніе и нравственное состояніе туземцевъ Родезіи, и что эта цѣль была достигнута.

Подобнымъ же образомъ бельгійскій король Леопольдъ заявлялъ представителямъ своего правительства въ Конго: „Наша единственная программа заключается въ нравственномъ и матеріальномъ возрожденіи страны“. Трудно установить границы способности людей къ самообману, какъ трудно опредѣлить дѣйствительную силу и цѣнность ихъ движущихъ мотивовъ. Въ частности, политическіе дѣятели пріобрѣтаютъ такую упрямую привычку представлять свои планы въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, что имъ кажется, будто наилучшіе результаты, какіе только могутъ быть достигнуты какой бы то ни было политикой, являются непосредственнымъ результатомъ ихъ собственной политики.

Что касается общественнаго мнѣнія, то обычный его удѣлъ обманываться. Всѣ самыя чистыя и возвышенныя идейныя дополненія имперіализма пускаются въ оборотъ его религіозными и филантропическими сообщниками; патріотизмъ взываетъ къ чувству народной мощи, воспитываетъ благородныя идеи, выражающіяся въ готовности самопожертвованія, и все это дѣлается съ цѣлью прикрыть идейной ширмой насильственное господство и страсти авантюристовъ. Такъ, въ частности, христіанство становится имперіалистическимъ: съ точки зрѣнія архіепископа Кентерберійскаго, оно должно пройти по всему міру, проповѣдуя Евангеліе. Торгозля тоже становится національнымъ дѣломъ въ глазахъ торговцевъ, завоевывающихъ міровые рынки.

Именно въ фальсификаціи руководящихъ идей заключается главный грѣхъ и главная опасность имперіализма. Когда изъ клубка спутанныхъ между собой мотивовъ выдѣляется одинъ, чтобы показать его общественному мнѣнію, потому что онъ наиболее благороденъ по внѣшнему виду, когда политическія стремленія, совершенно отсутствующія въ умахъ имперіалистическихъ политиковъ, объявляются главнымъ побужденіемъ, тогда способность націи къ нравственному сужденію совершенно извращается. Вся политика имперіализма проникнута такого рода обманами. Ни одинъ честный историкъ ни на одинъ моментъ не осмѣлится утверждать, что англійское вторженіе въ Индію, какъ и всѣ остальныя дѣйствія Британской имперіи въ настоящее время, было вызвано иными побужденіями, кромѣ политическаго и промышленнаго усиленія самой Англійи. Однако, приходится постоянно слышать, будто выгоды, доставляемыя туземцамъ системой англійскаго правленія, являются нравственнымъ оправданіемъ созданія Индійской имперіи. Еще болѣе поразительно отношеніе къ Египту. Занятіе Англійей Египта совершенно откровенно объяснялось военными и финансовыми расчетами, преслѣдующими исключительно англійскіе интересы. Тѣмъ не менѣе, согласно господствующему ещепринятому мнѣнію, англичане явились туда, чтобы осыпать египтянъ своими благодѣяніями, какъ будто они дѣйствительно намѣрены исполнить свое обѣщаніе—покинуть страну по истеченіи опредѣленнаго срока. Когда рядовой англичанинъ читаетъ въ какой-нибудь книгѣ слѣдующія строки: „Никогда раньше на протяженіи всей своей исторіи, ни подъ однимъ правительствомъ феллахъ не пользовался такимъ управленіемъ, какъ теперь, заботливо хранящимъ его интересы и оберегающимъ его права“, онъ невольно восклицаетъ: „Да, вотъ для чего мы яви-

лись въ Египетъ!“ Между тѣмъ, въ дѣйствительности имперіалистическая политика, привлекая англичанъ въ Египетъ, управлялась совершенно иными расчетами. Даже если предположить, что политическія неурядицы въ Египтѣ, приносившія тяжелый ущербъ населенію, вызвали со стороны англичанъ какое-нибудь частное безкорыстное дѣйствіе, то никто не посмѣетъ утверждать, что вообще англійская имперіалистическая политика по отношенію къ Египту сколько-нибудь опредѣлялась этими стремленіями.

Даже самый пламенный имперіалистъ не станетъ изображать Англію въ видѣ Донъ-Кихота, повсюду стремящагося къ освобожденію угнетенныхъ народовъ отъ деспотическихъ правительствъ, не считаясь со своими интересами, пренебрегая собственными опасностями, Русская тиранія основана на такомъ же насиліи и во всякомъ случаѣ болѣе враждебна культурѣ, чѣмъ правительство египетскаго хедива. Тѣмъ не менѣе, никому не приходило въ голову даже подумать, будто англичане должны укротить русское самодержавіе и спасти Финляндію изъ его когтей. Отношенія къ Арменіи являются новымъ свидѣтельствомъ крайней слабости высокихъ мотивовъ въ англійской имперіалистической политикѣ. И правительство и народъ Великобританіи хорошо знали о свирѣпыхъ турецкихъ жестокостяхъ, общественное мнѣніе было прекрасно освѣдомлено и до крайности возмущено. Великобританія опредѣленно обращалась къ Кипрской конференціи съ требованіемъ защитить Арменію, и, несмотря на все это, требованія „человѣчности“, задачи „культурной миссіи“ оказались совершенно безсильными для вмѣшательства или для рѣшительнаго протеста.

Агрессивный имперіализмъ вполне совпадаетъ съ понятіемъ насилія болѣе могущественныхъ и лучше вооруженныхъ націй надъ тѣми націями, которыя слабы или кажутся слабыми и неспособными къ рѣшительному сопротивленію. Во всѣхъ случаяхъ политикъ-имперіалистъ преслѣдуетъ исключительно какія-нибудь опредѣленныя экономическія или политическія выгоды. Рыцарскій духъ имперіализма никогда еще не заставилъ ни Великобританію, ни какую бы то ни было другую западную державу напасть на могущественное государство, какъ бы ни было оно деспотично, никогда не заставилъ вступить за слабое государство, если оно бѣдно.

Союзъ могучихъ своекорыстныхъ державъ со слабыми и безкорыстными, дѣйствительно, характеренъ для нашего времени. Это дань имперіализма человѣчности. Но именно эта микстура,

извѣстная подъ названіемъ „человѣколюбіе плюсъ пять процентовъ прибыли“, не имѣетъ довѣрія въ мірѣ дѣловыхъ людей. Точно также въ болѣе широкомъ мірѣ международныхъ отношеній эта комбинація подвергается справедливому сомнѣнію. Когда дѣловой интересъ объединяется съ благожелательствомъ, то направленіе политики опредѣляется именно выгодой. Несомнѣнно, когда прибыльный замыселъ дѣлается болѣе привлекательнымъ при помощи окраски его незаинтересованностью, это дѣлаетъ честь нравственной чувствительности данной націи. Однако, теорія и практика современной исторіи такъ часто граничатъ съ лицемѣріемъ, что англичане не должны удивляться, если недружелюбный иностранецъ называетъ англійскую политику именно лицемѣріемъ. Какъ иначе опредѣлить слѣдующее изображеніе имперіализма у Джорджа Бадень-Пауэлла?—„Простѣйшâя общественная единица, —плательщикъ налоговъ, будь то въ Англійи или въ ея колоніяхъ, считается съ двумя слѣдствіями своего расхода. Во первыхъ, онъ надѣется, что христіанство и цивилизація распространяются соразмѣрно уплаченному имъ налогу, а во вторыхъ, онъ рассчитываетъ на возмѣщеніе, вслѣдствіе развитія торговли и промышленности. Пока „правительственные слуги“ этого плательщика налоговъ обезпечиваютъ ему одно изъ двухъ, или то и другое вмѣстѣ, онъ не спрашиваетъ, имѣетъ ли правительство право, и право ли оно, предпринимая какія бы то ни было войны“.

Какимъ образомъ можно ставить на одну доску два слѣдствія? Какъ возможно, чтобы христіанство и культура опредѣлялись такимъ же расчетомъ, какъ промышленность и торговля? Эти вопросы требуютъ отвѣта.

„Соединеніе коммерческаго расчета съ игрой воображенія“, это та цѣль, которую приписывалъ самому себѣ Сесиль Родсъ и считалъ ее ключемъ политики. Это соединеніе обычно обозначается словомъ „спекуляція“, словомъ, принимающимъ зловѣщее значеніе, когда политика и частный интересъ такъ неразрывно связаны, какъ въ дѣятельности самого Сесиль Родса. Родсъ использовалъ законодательство Капской Земли въ Южной Африкѣ, чтобы поддержать и укрѣпить монополію на добычу брилліантовъ Де Берса. На средства Де Берса онъ организовалъ свой набѣгъ на Трансвааль, развратилъ управленіе Капской Земли, подкупилъ печать, чтобы организовать войну, которая должна была удовлетворить его великой, какъ онъ говорилъ, „мысли о Сѣверѣ Африки“.

X.

Можно смѣло утверждать, что во всѣхъ случаяхъ, когда „коммерческій расчетъ“ сѣдиняется съ „воображеніемъ“, послѣднее служить интересамъ перваго. Таковъ энтузіазмъ „имперіалистическаго христіанства“, объединеннаго съ „капиталистическимъ миссіонерствомъ“, ставящій своей цѣлью направить христіанство въ плаваніе черезъ океанъ прибыльныхъ дѣлъ, доказывая богословскія истины въ промежуткахъ между исчисленіемъ матеріальныхъ средствъ и выгодъ. „Съ точки зрѣнія скептически настроеннаго китайца, интересъ, проявляемый миссіонерами къ дѣловымъ предпріятіямъ, заходитъ такъ далеко, что не можетъ разсѣять подозрѣнія, которое питають китайцы къ находящимся среди нихъ людямъ, чьихъ побужденій они понять не могутъ и потому считаютъ ихъ вредными“. Съ другой стороны, согласно выдержкамъ изъ отчетовъ британскаго консульства въ Кантонѣ, „нашимъ коммерческимъ выгодамъ можетъ быть приписана неизмѣримая польза членами разныхъ миссій въ Китаѣ, если они будутъ работать вмѣстѣ съ консулами для эксплуатаціи страны и для развитія коммерческихъ идей въ такой же степени, какъ чисто теологическихъ идей, въ умахъ китайцевъ“. Это выясненіе коммерческой пользы христіанства, высказываемое британскимъ консуломъ, не оставляетъ желать ничего большаго по своей откровенности. Однако, во всей полнотѣ своего значенія оно можетъ быть опредѣлено только въ томъ случаѣ, если подкрѣпить его наивнымъ признаніемъ лорда Хьюга Сесила: „Очень многіе страстно хотѣли бы всѣмъ своимъ сердцемъ отдаться тому, что можно назвать современнымъ имперіалистическимъ движеніемъ. Однако, у нихъ остаются нѣкоторыя сомнѣнія, не осквернено ли это движеніе какими-нибудь земными расчетами? Поэтому, чтобы углубить въ нашихъ собственныхъ умахъ сознаніе важности миссіонерскаго дѣла, необходимо въ извѣстной степени придать святости духу имперіализма“.

Мы хорошо знаемъ, что большинство англійскихъ миссіонеровъ совершенно не затронуто примѣсью къ ихъ дѣятельности какихъ-нибудь коммерческихъ или политическихъ расчетовъ. Они дѣлають свое дѣло съ простодушной увѣренностью въ необходимости самопожертвованія, стремясь спасти души язычниковъ, но вовсе не съ хитроумнымъ намѣреніемъ содѣйствовать англійской торговлѣ или „освятить духъ имперіализма“. Дѣйствительно, совершенно ясно, что по мѣрѣ возникновенія въ миссіонерствѣ

подозрительныхъ свѣтскихъ мотивовъ исчезаетъ искренне духовное содержаніе его работы. Вся исторія миссіонерской проповѣди въ Китаѣ является комментариемъ къ этому утвержденію. Раніе католическіе миссіонеры, опираясь на нравственный авторитетъ своей праведной жизни и проповѣди, чувствовали себя въ безопасности и даже пріобрѣли широкое вліяніе среди народныхъ массъ и правящихъ классовъ. Они распространяли не только христіанство, но и западную науку. Хотя они обратили въ христіанство немногихъ, но сами стали вліятельной мирной силой въ развитіи великой восточной державы. Возникновеніе въ XIX-мъ вѣкѣ національнаго и сектантскаго соперничества въ миссіонерской проповѣди, при чемъ каждая миссія широко пользовалась дипломатической и даже военной помощью со стороны ряда европейскихъ государствъ для своей защиты и болѣе широкаго распространенія идей, поставило подъ сомнѣніе ихъ побужденія. Эти подозрѣнія были достаточно обоснованы и превратили дружественное отношеніе къ нимъ въ ожесточенную фанатическую ненависть.

„Мандаринамъ крайне трудно, пишетъ одинъ образованный китаецъ Венъ-Чингъ, понять различіе между миссіонерами и уполномоченными государствъ, броненосцы которыхъ всегда готовы появиться на помощь своимъ представителямъ. Китаецъ твердо усвоилъ привычную послѣдовательность явленій: сначала крадывается миссіонеръ, потомъ появляется консулъ, наконецъ, вторгается вооруженное войско. Еще не успѣли забыть потери Аннама, какъ нѣмецкія операціи въ Шанъ-Тунгъ вызвали крайнее волненіе въ умахъ всѣхъ образованныхъ людей“. Поэтому „неудивительно, что китайскіе чиновники смертельно ненавидятъ миссіонеровъ. Ихъ церковь образуетъ государство въ государствѣ, распространяетъ чужеземную вѣру и внушаетъ народу недовѣріе къ культу предковъ. Миссіонеры не подвластны китайскимъ законамъ и часто дѣйствуютъ съ высокомеріемъ людей, защищенныхъ своими правительствами. Въ этомъ тайна ожесточенной вражды противъ „друзей китайцевъ“, какъ миссіонеры называютъ самихъ себя“.

Какъ вредитъ дѣлу тѣхъ, чье царство не отъ міра сего, этотъ союзъ съ правительствомъ и войсками, слишкомъ очевидно, чтобы надо было спорить. Тѣмъ не менѣе, многіе даже искренніе люди готовы пользоваться дипломатическими и военными силами, чтобы расчистить поле миссіонерской дѣятельности, и убѣждены, что миссіонеръ, поочередно выступающій въ

образъ купца, политика и солдата, является наилучшимъ орудіемъ распространенія цивилизаціи“.

Какъ тѣсно соединяются въ дѣйствительности эти начала, можно иллюстрировать примѣромъ изъ недавней исторіи Судана.

„Отрядъ офицеровъ и солдатъ египетской и англійской арміи, по разсказу Винстона Черчилля, направился по Нилу на канонеркахъ, чтобы устроить заупокойное богослуженіе по Гордону и поднять англійскій флагъ на развалинахъ Хартума. Окруженный солдатами, генераль распорядился грозно и величественно. Флагъ былъ торжественно поднятъ. Офицеры салютовали, солдаты взяли ружья на прицѣлъ, и весь отрядъ пропѣлъ египетскій національный „антедь“ и англійскій гимнь. Затѣмъ сердаръ трижды провозгласилъ здравицу его величеству. Была отслужена панихида, и торжественныя слова англійскаго молитвенника далеко огласили роци. Солдаты спѣли заупокойный гимнь и любимое пѣснопѣніе Гордона: „Простись со мной“... Затѣмъ канонерки у берега салютовали залпомъ. Туземцы издали жалобный вопль, и церемоніальный обрядъ былъ законченъ надлежащимъ образомъ. Девять тысячъ изъ числа присутствовавшихъ туземцевъ лежали убитыми въ равнинѣ Обдурмана. Цѣлыя тысячи другихъ разсѣялись въ пустынь или ползли раненыя къ водѣ“. Хотя авторъ этихъ строкъ упустилъ изъ виду еще нѣкоторыя подробности, напримѣръ, разстрѣлъ раненыхъ, которые ползли къ водѣ, войсками, находившимися подъ начальствомъ британскихъ командировъ, но изображеніе, тѣмъ не менѣе, остается глубоко поучительнымъ, съ его страннымъ смѣшеніемъ англійскаго національнаго флага, гимна „Простись со мной“... и мести за Гордона.

Очевидно тѣ, кто въ состояніи подняться на мистическія высоты имперіалистической идеи, способны объединить въ „высшемъ синтезѣ“ весь этотъ хаосъ, и часто совершенно серьезно бываетъ такъ, что необходимость пулеметовъ и броненосцевъ находитъ торжественное оправданіе въ высшихъ цѣляхъ культуры, достигаемой этими средствами. Согласно имперіалистическому евангелію, западныя націи быстро достигнуть власти надъ всей землей и затѣмъ, въ ближайшемъ будущемъ, утвердятъ всеобщій миръ и торжество промышленнаго, научнаго и нравственнаго превосходства Запада.

Замѣчательная теорія! Пусть комментариемъ къ ней будетъ оцѣнка англійскихъ завоеваній въ тропической Африкѣ, сдѣланная Чарльзомъ Дилькомъ.

„Если мы не въ состояніи оказались сдѣлать болѣе плодородными поля Западной Индіи, то какъ мы сможемъ въ самомъ сердцѣ Африки сдѣлать гораздо менѣе богатыя и плодородныя страны достаточно производительными, чтобы вернуть свои расходы? Нашъ народъ вмѣшался въ дѣла Африки, исключительно вслѣдствіе своего постояннаго стремленія уничтожить бѣдствія торговли невольниками, чтобы въ наши дни по совѣсти заплатить за старые грѣхи нашихъ предшествовавшихъ поколѣній, занимавшихся работорговлей. Однако, оказалось, что мы причинили гораздо больше бѣдствій раздѣломъ Африки и созданиемъ, во имя свободы, такого же правительства, какое существуетъ въ Конго, если только мы достаточно откровенны, чтобы признать это лицемѣріе. Постоянное выявленіе истины принуждаетъ Англію употреблять почти сверхъестественныя усилія для самообмана. Лекки пишетъ: „Изъ всѣхъ видовъ авторитета нравственный авторитетъ имѣетъ больше всего цѣнности, и ни одинъ государственный дѣятель не долженъ забывать, что главнѣйшей основой Британскаго могущества является стоящая за нимъ нравственная сила“. И огромное большинство англичанъ въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, будто исполинскія прибыли, явившіяся въ результатѣ войны съ бурами, способствуютъ увеличенію нравственнаго авторитета Англіи“.

Самая страшная опасность имперіализма заключается въ томъ, что онъ приводитъ націю къ такому состоянію умовъ, когда нація привыкаетъ къ обману и сама не въ состояніи подвергнуть себя критической оцѣнкѣ.

Это то состояніе Платонъ опредѣлилъ, какъ „ложь въ глубинѣ души“, ложь бессознательная. Главнымъ признакомъ этого болѣзненнаго состоянія умовъ является роковое самодовольство. Едва только нація поддается ему, она съ чрезвычайной лёгкостью отвергаетъ критическое отношеніе къ себѣ со стороны другихъ націй, какъ будто эта критика обусловлена только завистью и злобой. Какая бы то ни было критика со стороны людей собственной національности считается признакомъ наглости и отсутствія патріотизма.

Болѣе примитивныя націи проявляютъ жажду владычества и матеріальныхъ захватовъ, лежащую въ основѣ имперіализма, свободно и бессознательно: здѣсь мало самодовольства, потому что мало сознательности. Но тѣ націи, которыя, подобно западно-европейскимъ народамъ, развились и воспитались на чувствѣ самодовольства, обостряютъ и разжигаютъ свои инстинктивныя

стремленія сознательнымъ размышленіемъ. На этой почвѣ возникаетъ сложная система научной, нравственной и соціологической защиты имперіализма.

Основной силой, опредѣляющей имперіалистическое міросозерцаніе, является вліяніе финансовыхъ и капиталистическихъ интересовъ, имѣющихъ своей цѣлью прямыя, узкіе и грубо матеріальные интересы немногочисленныхъ, но талантливыхъ и хорошо организованныхъ группъ внутри націи. Эти группы привлекаютъ къ сотрудничеству государственныхъ дѣятелей или политическія клики, образующія главную силу политическихъ партій, частью непосредственно заинтересовывая ихъ въ своихъ дѣловыхъ предпріятіяхъ, частью взывая къ соціально-консервативнымъ чувствамъ господствующихъ классовъ. Онѣ стремятся защитить ихъ выгоды, классовое господство тѣмъ, что отвлекаютъ политическую энергію народа отъ внутреннихъ дѣлъ въ область внѣшней политики. Привлеченіе на свою сторону націи или даже иногда ея активная и восторженная поддержка, находящаяся въ роковомъ противорѣчій съ настоящими національными интересами, обеспечивается частью призывами къ выполненію культурныхъ задачъ, но главнымъ образомъ спекуляціей на низменныхъ инстинктахъ народной массы.

Психологію этихъ инстинктовъ вскрыть нелегко, но не такъ трудно обнаружить ихъ движущую основную силу. Та страсть, которую французскій писатель Новиковъ называетъ „помѣшательствомъ на пространствахъ“, жаднымъ инстинктомъ захвата земель, восходитъ по своему происхожденію къ древнѣйшимъ временамъ, когда обширныя пространства земли были необходимы, чтобы доставить пропитаніе скоту и людямъ. Это превратилось въ длительную привычку, вкоренившуюся въ сознаніе культурныхъ народовъ болѣе глубоко, чѣмъ принято думать. Кочевническія привычки, воспитанныя необходимостью, сохранились до сихъ поръ, являются главной причиной любви къ путешествіямъ, превратились въ страсть къ приключеніямъ, тоже относящуюся къ совершенно первобытнымъ страстямъ.

Этотъ духъ приключеній, спеціально свойственный англосаксонской расѣ, лежитъ въ основѣ любви къ спорту, переходящему къ грубымъ приемамъ борьбы за существованіе. Животная страсть къ борьбѣ, бывшая когда-то необходимостью, сохранилась въ народной крови. Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько нація или отдѣльные классы въ ея составѣ свыклись

съ затратой своей активности въ области мирнаго промышленнаго труда, возникаетъ желаніе найти возмѣщеніе потерянной энергіи въ спортѣ, гдѣ преслѣдованіе и чувство физическаго удовлетворенія путемъ нанесенія ударовъ является главной составной частью.

Привилегированные классы англійскаго общества, свободные отъ необходимости работать, естественно начинаютъ увлекаться спортомъ, этой гигиенической необходимостью, замѣняющей отсутствующій физическій трудъ и дающей исходъ пережиткамъ дикихъ инстинктовъ. Въ обстановкѣ домашняго спорта возможны только наиболѣе смягченныя формы проявленія этого инстинкта. Здѣсь нѣтъ преслѣдуемыхъ дикихъ звѣрей, борьба между людьми запрещена и разрѣшаются только безопасныя игры, вродѣ футъ-бола. Поэтому все сильнѣй развивается тяга къ границамъ культурныхъ областей, гдѣ духъ приключеній находитъ болѣе сильное и свободное удовлетвореніе. Эти чувства воспитываются цѣлымъ потокомъ описаній путешествій и фантастическихъ романовъ. Чувства безопасности и однообразія въ привычной культурной рутинѣ вытѣсняются все болѣе растущимъ влеченіемъ къ дикимъ краямъ земли. Спокойныя формы увлеченія спортомъ, усвоенныя господствующими привилегированными классами въ атмосферѣ ихъ бездѣятельности, вызываютъ подражаніе со стороны рабочихъ массъ, которыя расширили время своего отдыха и освободили часть энергіи. Эти классы послѣ своего перехода отъ сельской жизни къ городской еще не потеряли склонности къ грубымъ играмъ феодальной эпохи, которымъ предавались съ незапамятныхъ временъ, „Футъ-болъ—хорошая вещь, замѣчаетъ Вадень-Пауэлль, но еще лучше этой игры, лучше всякой игры вообще—охота на людей“.

Спортсменскій и воинственный отпечатокъ, свойственный имперіализму, пріобрѣтаетъ поэтому для него могущественную основу въ народныхъ влеченіяхъ. Страсть преслѣдовать и убивать дикаго звѣря или человѣка можетъ быть удовлетворена только посредствомъ имперіалистскаго расширения и милитаризма. Можно смѣло искать причину поразительнаго невѣжества англійскихъ офицеровъ и несоотвѣтствія ихъ умственнаго уровня съ общественнымъ положеніемъ въ томъ, что для всякой иной профессіи необходима серьезная умственная подготовка, между тѣмъ какъ большинство британскихъ офицеровъ выбрали военную службу только изъ влеченія къ спорту. Обычно наемные солдаты идутъ въ армію по тѣмъ же причинамъ. Знаніе имѣеть

мало значенія для ихъ службы и вполнѣ возмѣщается дисциплиной, которой подчинены ихъ дѣйствія

Гораздо болѣе важной опорой для милитаризма является наряду съ арміей, идея войны, какъ основы имперіализма, въ тѣхъ кругахъ націи, которые именно не принимаютъ участія въ войнѣ. Хотя увлеченіе спортомъ все еще очень значительно даже среди городскихъ жителей, но уже становится ясно, что активный интересъ участника спорта вырождается въ бездѣятельное возбужденіе зрителя. Насколько сильно выродился спортъ, видно изъ того, что почти во всѣхъ его областяхъ спеціально выученные профессионалы замѣнили собой любителей. Все возрастающая страсть къ азартнымъ играмъ, эта худшая форма спортивного возбужденія, постепенно вытѣсняетъ незаинтересованное влеченіе и сосредоточиваетъ вниманіе не на качествахъ умѣнья и силы, а на ирраціональномъ элементѣ случайности, въ соединеніи съ хитростью и неизмѣннымъ обманомъ. Психологически этому вырожденію спорта соотвѣтствуетъ джингоизмъ въ его отношеніи къ военному дѣлу. Джингоизмъ—это наслажденіе зрителя, удовольствіе, свободное отъ какого бы то ни было личнаго усилія, риска или самопожертвованія, наслажденіе гибелью, страданіями и истребленіемъ братьевъ-людей, которые остаются совершенно неизвѣстными, какъ личности, но ихъ убійства джингоистъ жаждетъ въ слѣпомъ и искусственно возбуждаемомъ чувствѣ ненависти и мести. Въ джингоизмѣ все сосредоточено на военномъ счастьѣ и слѣпой ярости битвы. Тяжелое и утомительное однообразіе похода, длинные періоды остановокъ, мучительная лишенія, невыносимое изнеможеніе въ результатѣ затяжной военной кампаніи, все это не играетъ никакой роли въ воображеніи джингоиста. Положительныя стороны войны—глубокое чувство товарищества, воспитываемое совмѣстнымъ переживаніемъ опасностей, хорошія стороны дисциплины и самоограниченія, уваженіе къ личности врага, мужество котораго приходится признавать и по достоинству оцѣнивать,— всѣ эти качества, смягчающія ужасы современной войны, совершенно не существуютъ для джингоиста. Именно имѣя это въ виду, многіе защитники мира считаютъ главнымъ препятствіемъ развитія милитаризма и войны обязательство для всѣхъ гражданъ входить въ народную милицію, испытать на себѣ военную службу и пережить опытъ военныхъ походовъ.

Независимо отъ того, окажутся ли дѣйствительнымъ средствомъ такіе приемы лѣченія отъ военной страсти, надо признать,

что созерцательная страсть патриотизма является самой важной силой въ развитіи имперіалистическаго духа. Драматическая фальсификація войны и всей политики имперіалистическаго расширенія, питаемая этимъ массовымъ увлеченіемъ, является въ немалой степени плодомъ искусственнаго развитія ея организаторами имперіализма, небольшими группами дѣловыхъ людей, которые знаютъ, чего они хотятъ, и умѣютъ добиться своей цѣли.

XI.

Когда идея откровеннаго насильственнаго владычества нуждается въ нѣкоторомъ прикрытіи съ точки зрѣнія образованныхъ классовъ націи, для этой цѣли ткутся утонченныя нравственныя и умственныя декораціи. Церковь, печать, школа и политическія организаціи—четыре главныхъ силы, содѣйствующихъ народному воспитанію, приспособляются для этой цѣли. Отъ обрядоваго христіанства недавняго времени до имперіалистическаго христіанства современности—одинъ только шагъ. Настроеніе развивающейся церковности и ученія о подчиненіи авторитету въ господствующей церкви приводится въ соотвѣтствіе съ милитаризмомъ и политическимъ деспотизмомъ. Гольдвинъ Смитъ правильно замѣчаетъ, что „насиліе—естественный спутникъ суевѣрія, и суевѣріе очень хорошо знаетъ эту истину“. Что касается еще болѣе могучаго механизма—печати, то, поскольку онъ не присвоенъ совершенно откровенно или не подкупленъ для финансовыхъ цѣлей, что имѣетъ мѣсто въ значительной мѣрѣ во всѣхъ большихъ промышленныхъ и финансовыхъ центрахъ, повсюду на газеты оказывается давленіе, и онѣ подчинены интересамъ классовъ, дающихъ объявленія, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе газетъ. Съ каждымъ годомъ становится все труднѣе для газетъ быть независимыми и въ то же время сохранить достаточно широкій и прочный кругъ подписчиковъ, ведя самостоятельную политику; для газеты невозможно удержать объявленія, если она высказываетъ мнѣнія, неугодна классамъ, дающимъ ей объявленія. Съ каждымъ годомъ тиски, созданные дѣловыми интересами имперіализма, становятся все тѣснѣе, а самъ имперіализмъ—все болѣе сознательнымъ въ пониманіи своихъ цѣлей. Политическій механизмъ становится продажнымъ именно потому, что это—механизмъ, постоянно нуждающийся въ починкѣ и смазываніи богатыми членами партіи. „Машинистъ“—вождь партіи

знаеть, отъ кого онъ получаетъ плату, и подчиняется волѣ тѣхъ, кто въ дѣйствительности распоряжается партіей. Если слишкомъ натянуть эти приводные ремни, машина остановится. Современный имперіализмъ въ Англии и въ Америкѣ съ чрезвычайной щедростью оказывалъ денежное содѣйствіе такимъ людямъ, какъ Рокфеллеръ, Ганна, Родсъ, Биитъ, помогая имъ въ воспитаніи имперіалистическихъ политиковъ и въ политическомъ воспитаніи народныхъ массъ.

Но гораздо важнѣе всего этого—упорное стремленіе имперіализма овладѣть для своихъ цѣлей школьной системой, маскируясь патриотизмомъ. Учащаяся молодежь держится въ духовномъ плѣну; свободное воспитаніе превращается въ угнетающую военную выучку; дикіе пережитки боевой страсти усиленно развиваются; пониманіе исторіи отравляется ложными идеалами и фальшивымъ героизмомъ, а вслѣдствіе этого, дѣйствительно возвышенные и жизненные уроки прошлаго остаются въ пренебреженіи; въ нравственномъ мірѣ устанавливается „геоцентрическая“ точка зрѣнія, то есть, интересы всего человѣчества подчиняются интересамъ „родины“, въ силу легкаго, естественнаго перехода, интересы родины опять таки подчиняются интересамъ собственнаго; разжигается всѣми пренебрегаемое чувство расоваго превосходства, и это въ томъ возрастѣ, когда самоувѣренность такъ легко беретъ верхъ; въ силу естественнаго вывода остальные націи унижаются; такимъ образомъ, юноши выходятъ въ жизнь съ ложными оцѣнками и мѣрилами, съ нежеланіемъ учиться изъ духовныхъ источниковъ другихъ націй. Воспитывать эту низменную ограниченность въ умахъ и въ чувствахъ дѣтей, а потомъ эти чувства называть патриотизмомъ—это означаетъ такъ злоупотреблять понятіемъ воспитанія, какъ только можно себѣ представить! Однако, власть церкви и государства въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія всецѣло служатъ этимъ цѣлямъ. Слѣпой клерикализмъ и академическій деспотизмъ въ высшемъ образованіи Англии черпаетъ свой патриотическій энтузіазмъ изъ тѣхъ же самыхъ грязныхъ источниковъ. Наконецъ, наши университеты, центры высшей духовной культуры, тоже подвергаются опасности полнаго уклоненія съ путей свободнаго изслѣдованія и свободнаго выраженія мыслей, которое является правильной основой умственной жизни.

Новаго типа „разсадники благочестія“ начинаютъ угрожать умственной свободѣ. Англійскія учебныя заведенія дѣйствительно становятся прислужниками и защитниками религіозной ортодоксіи,

подавленія знанія, искаженія исторіи и извращенія философіи въ интересахъ „Церкви и Короля“. Университетская работа и ея руководители пользуются тѣми же методами, но преслѣдуютъ иную цѣль: философія, естественныя науки, исторія, политическая экономія и соціологія имѣютъ своей задачей построить баррикады противъ натиска обездоленныхъ рабочихъ массъ, бросающихся на приступъ царства капиталистовъ.

Не слѣдуетъ, конечно, считать эти извращения науки сознательными. Услуги, оказываемыя консерватизму, могутъ во многихъ случаяхъ имѣть случайный характеръ. Только, быть можетъ, политическая экономія является жертвой сознательной защиты постороннихъ наукъ интересовъ, но даже и въ этихъ областяхъ сильныя и независимыя натуры ученыхъ могутъ добиться свободы въ преподаваніи. Болѣе того, было бы неразумно винить преподавателей, которые обычно думаютъ и преподаютъ только то, что выражаетъ ихъ глубочайшія убѣжденія. Но тѣмъ не менѣе вся система современнаго англійскаго образованія тщательно подобрана и разработана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда находятъ нужнымъ дѣлать это, въ соотвѣтствіи съ классовыми интересами, прикрытыми академической наукой.

Каждый, кто изучалъ исторію политическихъ и экономическихъ теорій послѣдняго столѣтія, не можетъ не признать, что развитіе и борьба идей, гипотезъ и научныхъ заключеній, ихъ объединеніе въ научныя школы и направленія, распространеніе ихъ въ духовномъ мірѣ человѣчества совершалось подъ непосредственнымъ давленіемъ классовыхъ интересовъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этого является, какъ мы естественно можемъ предположить, политическая экономія, вслѣдствіе того, что она неразрывно связана съ капиталистическимъ и политическимъ міромъ. „Классическая“ политическая экономія въ Англии просто формулировала въ скрытомъ видѣ интересы торговцевъ и капиталистовъ. Противопологая эти интересы, съ одной стороны, землевладѣльческому, съ другой,—рабочему классу, эта школа позже создала протекціонистское направленіе и, такъ называемое, „соціалистическое“, тоже запечатлѣнное узкими сектантскими воззрѣніями.

Точное опредѣленіе воспитанія должно быть дано путемъ отвѣта на три главныхъ вопроса: „Кто, чему и какъ долженъ учить?“ Если университеты поставлены въ прямую зависимость отъ милости миллионеровъ, отъ ихъ дарованій и пожертвованій, то отвѣты на эти вопросы даются такіе: „Надежные учителя,

надежныя знанія, правильные методы преподаванія“. Кто даетъ хлѣбъ, тотъ требуетъ защиты своихъ интересовъ. Это простое наблюденіе вполнѣ вѣрно въ данномъ случаѣ, и никакое нарушеніе академическаго достоинства и интеллектуальной чести дѣйствительно не терпится въ университетахъ.

Нарушенія духовной свободы случаются рѣдко, отъ нихъ страдаютъ только отдѣльные люди, хотя можно отмѣтить нѣсколько случаевъ въ Англіи и Канадѣ грубѣйшаго преслѣдованія за еретическія убѣжденія. Истинная опасность заключается не столько въ устраненіи, сколько въ назначеніи преподавателей, въ установленіи круга изучаемыхъ предметовъ, въ опредѣленіи вниманія, удѣляемаго отдѣльнымъ областямъ знанія, въ выборѣ книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Почтеніе къ чину и деньгамъ, даже въ самыхъ старинныхъ англійскихъ университетахъ, обнаруживается съ такой безстыдной откровенностью, требованіе денежной помощи для развитія новыхъ факультетовъ занимаетъ такъ много мѣста въ академической работѣ, что указанная опасность постоянно возрастаетъ. Учебныя заведенія, имѣвшія несчастье подобрать штатъ преподавателей, которые, преслѣдуя жизненные интересы политической и экономической науки, рѣшаются откровенно говорить правду, рѣзко противорѣчащую интересамъ тѣхъ классовъ, отъ чьей денежной помощи они зависятъ, обрекаютъ себя на самоубійство.

Высшее образованіе никогда не въ состояніи было стать экономически самостоятельнымъ. Государственныя средства никогда не давали достаточно полного матеріальнаго обезпеченія. Высшее образованіе повсюду оказалось паразитомъ, живущимъ на добровольныя пожертвованія богатыхъ людей. Опасность этого положенія такъ очевидна, что не нуждается въ подробномъ разъясненіи. Свобода преподаванія въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ всецѣло зависитъ отъ произвола богатыхъ жертвователей. Положеніе будетъ непрерывно ухудшаться, поскольку не получила признанія необходимость организовать высшее образованіе на государственныя средства.

Кругъ этой опасности, понятно, гораздо шире, чѣмъ опасность имперіализма, охватывающаго собой только чисто матеріальные интересы. Однако, если въ предшествующихъ главахъ было дано точное изслѣдованіе, то имперіализмъ является главной защитой всѣхъ этихъ интересовъ, прикрывающихся наукой. Для класса финансистовъ и спекулянтовъ имперіализмъ означаетъ обезпеченіе ихъ частныхъ интересовъ на средства общества

Для купцовъ и капиталистовъ имперіализмъ означаетъ возможность расширенія внѣшнихъ рынковъ путемъ вооруженнаго насилія и политики таможеннаго покровительства. Для правительственныхъ и профессиональныхъ классовъ онъ означаетъ широкій выборъ почетныхъ и прибыльныхъ должностей. Для церкви имперіализмъ обеспечиваетъ власть и возможность оказывать вліяніе на широкія народныя массы. Для политической олигархіи имперіализмъ является единственно дѣйствительнымъ средствомъ отвлеченія силъ демократіи; онъ широко открываетъ путь политическаго карьеризма въ области грязнаго дѣла созданія имперіалистической державы.

Если это такъ, то имперіализмъ неизбежно долженъ искать духовной поддержки въ центрахъ научнаго просвѣщенія, и онъ старается использовать для своихъ цѣлей силы образованія. Милліонеры, которые поддерживаютъ Оксфордскій университетъ, не стараются даже указывать, чему и какъ надо учить. Практическое давленіе имперіализма такъ сильно, что навязываетъ рядовымъ ученымъ съ узкимъ кругозоромъ соотвѣтствующіе практическіе выводы изъ исторической науки. Что же касается ученыхъ экономистовъ, держащихся мнѣнія о необходимости ограничить произволъ капитала, то у нихъ нѣтъ надежды быть выбранными на ученые кафедры. Для этого не надо никакого формальнаго удостовѣренія. Инстинктъ самозащиты финансистовъ совершенно достаточенъ для этого. За свое предпочтеніе денегъ и общественнаго положенія умственнымъ качествамъ при выборахъ замѣстителей ученыхъ кафедръ университеты расплачиваются порабощеніемъ интересамъ своихъ покровителей,—политиковъ и капиталистовъ. Философія, исторія, политическая экономія, даже естественныя науки поневолѣ отражаютъ въ своихъ теоріяхъ и методахъ чувство почтенія къ покровителямъ-милліонерамъ. То обстоятельство, что это дѣлается безсознательно, только увеличиваетъ размѣры вреда, причиняемаго развитію духовной свободы.

Такимъ образомъ, капиталистическія и финансовыя силы имперіализма, оказывая свое вліяніе на политическія партіи, на печать, на школу, обрабатываютъ общественное мнѣніе и подчиняютъ себѣ дѣятельность государства посредствомъ ложной идеализаціи первобытной страсти къ борьбѣ, владычеству и завоеваніямъ, которая пережила вѣка мирнаго промышленнаго строя. Новое усиленіе этой страсти и ея разжиганіе вновь оказалось необходимымъ для цѣлей агрессивнаго имперіализма, его расширенія и насильственной эксплуатаціи низшихъ расъ. Во имя

этой дѣятельности, политики, естествоиспытатели и социологи создают условныя и невѣрныя теоріи расовой борьбы за существованіе. Эти теоріи оправдываютъ завоевательную политику, стремленіе къ захвату и подчиненію отсталыхъ народовъ. Экономисты стараются увѣрить, что доля работы англичанъ при раздѣленіи труда между націями заключается въ томъ, чтобы завоевывать народы и править ими, а общественные моралисты изображаютъ движущія стремленія имперіализма, какъ желаніе взять на себя тяжелое дѣло воспитанія низшихъ народовъ и поднятія ихъ надъ „младенческимъ“ уровнемъ. Поэтому умы культурныхъ классовъ населенія глубоко пропитываются сознаніемъ духовнаго и нравственнаго величія имперіализма.

Для народныхъ массъ имперіализмъ означаетъ грубое преклоненіе передъ героями, увлеченіе сенсационной славой, развиваетъ въ нихъ духъ любви къ приключеніямъ и спорту. Современность раскрашивается пестрыми и рѣзкими красками, чтобы непосредственно содѣйствовать развитію военныхъ инстинктовъ.

Независимо отъ того, какіе употребляются приемы,—одни утонченные и косвенные, другіе грубые и упрощенные,—дѣятельность имперіализма во всѣхъ случаяхъ покоится на возбужденіи и развитіи грубыхъ страстей насильничества, постоянно сохраняющихся въ скрытомъ состояніи въ культурномъ человѣчествѣ. Одной и той же остается и цѣль: политика матеріальныхъ выгодъ ничтожнаго меньшинства и его интересовъ подъ прикрытіемъ общенародныхъ задачъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе переводчика	3
Вступленіе автора	11
I. Соціологическое оправданіе имперіализма	21
II. Имперіализмъ, какъ борьба націй	24
III. Интернаціонализмъ	33
IV. Духовная и физическая борьба за національное самоопредѣленіе	37
V. Экономическая нецѣлесообразность имперіализма . . .	39
VI. Имперіалистическія войны	46
VII. Возможность прекращенія войнъ	51
VIII. Федерация европейскихъ націй	53
IX. Движущія силы англійскаго имперіализма	58
X. Имперіалистическое міросозерцаніе	63
XI. Имперіализмъ въ духовной жизни Англии	70

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія Т-ва:

- 1. Я. Р. и А. Д. Систематическій указатель литературы по кооперации. Ц. 2 р.**

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Предисловіе. Введеніе.

- I. Теорія кооперации.** 1. Что такое кооперация? (опредѣленія кооперации). 2. Классификація кооперативовъ. 3. Классовая природа кооперации. 4. Кооперация и ея отношеніе къ профессиональному движенію. 5. Кооперация и ея отношеніе къ политическимъ партіямъ. 6. Кооперация и социализмъ.
- II. Формы кооперации.** 1. Потребительныя Общества. 2. Кредитныя Товарищества. 3. Сельско-хозяйственная кооперация.
- III. Кооперация въ разныхъ странахъ.**

КООПЕРАЦИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

1. Австро-Венгрія. 2. Англія. 3. Бельгія. 4. Голландія. 5. Германія. 6. Данія. 7. Италія. 8. Испанія. 9. Кооперация среди славянъ. 10. Норвегія. 11. Португалія. 12. Соединенные Штаты Сѣв. Америки. 13. Финляндія. 14. Франція. 15. Швейцарія. 16. Швеція.

РОССИЯ.

1. Потребительная кооперация. 2. Кредитная кооперация. 3. Земельная кооперация. 4. Сельско-хозяйственныя О-ва. 5. Кооперативы по сбыту. 6. Маслодѣльныя артели и молочные кооперативы. 7. Производительныя кооперативы. 8. Жилищная кооперация. 9. Рабочая кооперация. 10. Союзное строительство потребительной кооперации. 11. Союзное строительство кредитной кооперации. 12. Московскій Народный Банкъ. 13. Сельско-хозяйствен. союзы.

- IV. Вопросы кооперации.** 1. Культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ. 2. Курсы по кооперации. 3. Рабочій вопросъ въ кооперации. 4. Статистическое изученіе кооперации. 5. О взаимоотношеніи кооперативовъ. 6. Кооперация и земство. 7. Земскія Кассы Мелкаго Кредита. 8. Кооперация и городское самоуправленіе. 9. Кооперация и государство. 10. Фальсификація продуктовъ и кооперация. 11. Кооперативное производство. 12. Дороговизна, продов. кризисъ и кооперация. 13. Организационные вопросы кооперации. 14. Счетоводство въ потреб. о-вахъ. 15. Международный Кооперативный Союзъ. 16. Библиографія.

2. Трахтебергъ. I. А. Коллективный договоръ. Ц. 1 р. 25 к.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

- I. Отъ индивидуальнаго къ коллективному рабочему договору.
1. Свобода рабочаго и хозяйская власть. 2. Трудовыя отношенія докапиталистическаго хозяйства. 3. Предпосылки рабочаго договора. 4. Матеріальныя предпосылки коллективнаго договора. 5. Рабочее движеніе и коллективный договоръ.
 - II. Что такое коллективный договоръ? 1. Коллективный договоръ и индивидуальный рабочий договоръ. 2. Коллективный договоръ и методъ цеховой регламентации. 3. Понятіе коллективнаго договора.
 - III. Виды и содержаніе коллективныхъ договоровъ. 1. Виды коллективныхъ договоровъ. 2. Относительное значеніе отдѣльныхъ видовъ коллективныхъ договоровъ. 3. Содержаніе коллективныхъ договоровъ.
 - IV. Техника коллективныхъ договоровъ. 1. Общій характеръ механизма коллективныхъ сдѣлокъ. 2. Органы заключенія и проведенія коллективныхъ договоровъ. 3. Множественность органовъ проведенія коллективныхъ договоровъ.
 - V. Соціально-экономическое значеніе коллективныхъ договоровъ. 1. Постановка вопроса. 2. Коллективный договоръ и условія труда. 3. Коллективный договоръ и промышленные конфликты. 4. Коллективный договоръ и законодательная охрана труда. 5. Коллективный договоръ передъ судомъ рабочихъ и предпринимателей.
3. Геро, П.—Рабочая кооперация въ Германіи съ предисловіемъ С. I. Цедербаума. Съ рис. Ц. 30 к.
Содержаніе: Общій обзоръ Германской кооперации. Очеркъ развитія Германск. рабоч. потребит. о-въ. Отношеніе рабоч. парт. къ кооперат.
4. К. Марксъ.—Гражданская война во Франціи въ 1870—71 г. съ предисловіемъ Фр. Энгельса и вступительной статьей Сана. Цѣна 1 р. 20 к.
 5. А. Гречко.—Организация народ. хозяйства и кооперация. Ц. 60 к.
 6. Карль Каутскій.—Потребит. О-за и рабочее движеніе. Ц. 60 к.
 7. Санъ.—Причины и цѣли Европейской войны. Цѣна 60 к.
 8. Л. Фрэй.—Финансовое положеніе Россіи. Цѣна 60 к.
 9. Гобсонъ.—Империализмъ. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ В. С. Рожницына. Цѣна 1 р. 25 к.

Готовятся къ печати:

- К. Марксъ.—Революція и контръ-революція въ Германіи.
Л. Любимовъ.—Аграрный вопросъ.
Давидъ.—Кооперация и социализмъ.
К. Каутскій.—Социализмъ и концентрація промышленности.

К. Каутскій.—Сборникъ статей по національному вопросу, о войнѣ и объ интернаціоналѣ.

Шефферъ.—Исторія колоній.

Оларъ.—О паденіи 1-й республики во Франціи, перев. проф. Н. С. Гольдина.

Проф. Н. С. Гольдинъ.—Очеркъ исторіи Пруссіи.

Санъ и Донъ.—Историческій очеркъ интернаціонала.

Рабочая кооперация.—Сб. статей Левина, А., Брука С. и др.

Склады изданій Т-ва:

1. Книжный складъ Т-ва Потребит. О-въ Юга Россіи. Харьковъ, Кузнечная, 23, соб. домъ.
2. Книжный складъ Всероссийскаго Союза Потребительн. О-въ. Москва, Н. Переведеновка, соб. домъ.
3. Книжный складъ Совѣта Всероссийскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ. Москва, Моховая, 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1918 г.

на ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВНЫЙ

на 1918 г.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

„Южно-Русскій Потребитель“

Изданіе Т-ва Потребительныхъ Обществъ Юга Россіи.

Въ журналѣ помѣщаются статьи, освѣщающія вопросы политическіе (выясняющіе текущій моментъ) и экономическіе. Главное значеніе будетъ уделяться вопросамъ коопераціи (теорія и практика), въ частности потребительской коопераціи.

Кромѣ статей, въ журналѣ будетъ помѣщаться хроника кооперативной и экономической жизни Россіи (въ частности Юга Россіи) и другихъ государствъ.

Будетъ помѣщаться также обзоръ иностранной прессы и библиографія, дающая характеристику текущей литературы, съ цѣлью облегчить мѣстнымъ культурно-просвѣтительнымъ ячейкамъ подборъ подходящихъ книгъ и брошюръ.

Условія подписки:

За годъ	15 р. — к.
За 6 мѣс.	7 „ 50 „
За 3 мѣс.	4 „ — „

Цѣна отдѣльнаго № 70 коп.

Адресъ ред. и конторы: г. Харьковъ, Кузнечная 4, почт. ящикъ 355.